

КУРЬЕР ЮНЕСКО

В ПОИСКАХ
ПРОШЛОГО

сдувая
пыль веков

«ПРОШЛОЕ,
ОТ КОТОРОГО НЕ УЙТИ»
Интервью с немецким историком
ХИННЕРКОМ БРУНСОМ

ИЮНЬ 1990

встреча культур

Дорогие читатели! Просим Вас присылать нам фотографии произведений, достойных, с вашей точки зрения, публикации на этой странице. Это могут быть произведения живописи или скульптуры, фрагменты памятников архитектуры или любые другие объекты, которые служат примером слияния культур. Вы можете также присылать фотографии двух произведений искусства разных культурных ареалов, между которыми, на ваш взгляд, существует связь или сходство. Просим снабжать фотографии подписями.

«Водоворот, или Туссен, Туссен Лувертюр»

27 × 36 см,
тушь,
Жозетт Вербестель

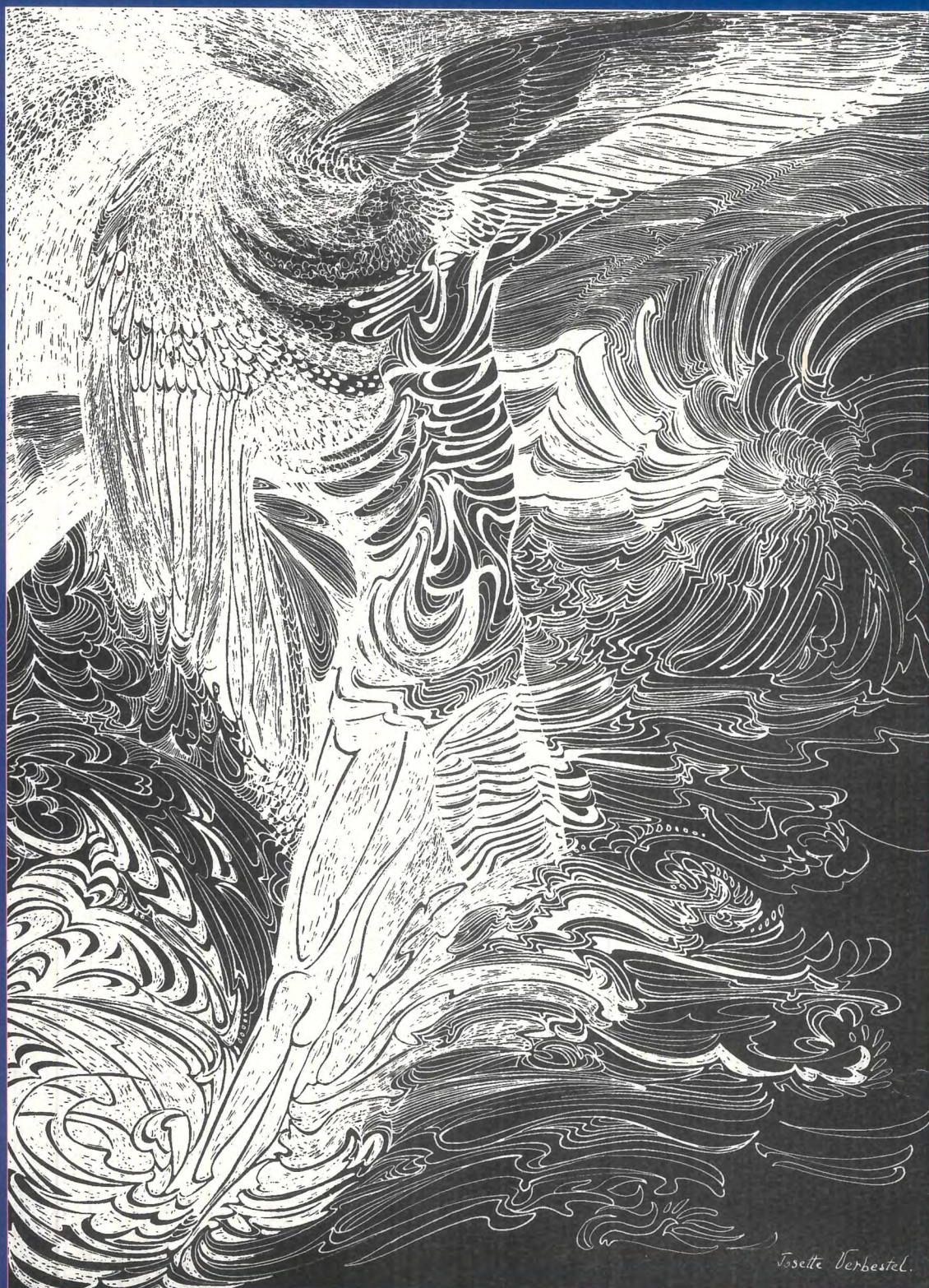
«(ТУССЕН,
ТУССЕН ЛУВЕРТЮР)

это человек, способный
околдовать белого ястреба
белой смертью

это человек, который одинок
в бесплодном море
белого песка

это старый мулат,
противостоящий
водам небесным»

Эти стихи великого
мартиникского поэта
Эме Сезера из поэмы
«Дневник возвращения
в родную страну»
вдохновили одну
бельгийскую читательницу
на этот черно-белый рисунок.
«Я хотела, — пишет она, —
понять и запечатлеть мысль,
принесенную поэзией
другого континента».

Josette Verbestel.

Сегодня не осталось неисследованных континентов, неизвестных морей и таинственных островов. Мы научились преодолевать физические препятствия, стоящие на нашем пути, но не разрушены еще барьеры взаимной отчужденности, разъединяющие народы и культуры. Современным одиссеям доступен любой уголок света. Но ныне гораздо сильнее манят путешествия иного рода — в мир других культур, жизненных укладов и ценностей. Именно в такое путешествие приглашает своих читателей «Курьер ЮНЕСКО». В каждом номере авторы из разных стран будут освещать с различных культурных и профессиональных точек зрения одну из тем, представляющих всеобщий интерес. Компасом в этом странствии по культурам мира будет уважение ко всем народам.

11

В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО
СДУВАЯ ПЫЛЬ ВЕКОВ

ИСТОРИЯ И САМОСОЗНАНИЕ

Теодор Моммзен — пламенный патриот <i>Хиннерк Брунс</i>	14
Жюль Мишле — пророк и историк <i>Кристиан Амальви</i>	15
Фернан Бродель — покоритель пространства и времени <i>Кристиан Амальви</i>	16
ИСТОРИЯ В ЖИЗНИ ФРАНЦИИ Просвещение нации <i>Кристиан Амальви</i>	18

ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Индия. От эпоса к науке <i>Клод Марковиц</i>	23
Индонезия. Нити времени <i>Дени Ломбар</i>	26
Мексика. История или судьба? <i>Мигель Леон-Портилья</i>	29
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Истинное лицо Америки. <i>Оливье Цанц</i>	32

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ:—
МЕЧТА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

От Гегеля до Маркса — судьбы диалектики <i>Эммануэль Терре</i>	37
НОВАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «Ветви одного дерева» <i>Робер Бонно</i>	40

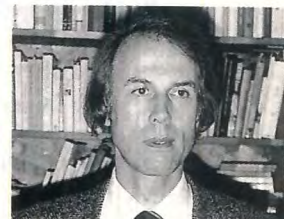
ДОКУМЕНТЫ

Из глубины веков <i>Жозеф Ки-Зербо</i>	43
--	----

4

Интервью с
**ХИННЕРКОМ
БРУНСОМ**

«Прошлое, от которого не уйти»

47

КОРОТКО О РАЗНОМ... 47

ПОРТРЕТ

Высокий дар
Елена Белякова 48

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ 49

1-я с. обл.: «Поэт», холст, масло. Картина французского художника Месонье (1815—1891).

4-я с. обл.: «Будущее? Какое оно? По мотивам Караваджо» (1984), холст, акриловые краски. Работа перуанского художника Германа Брауна-Веги.

Консультант этого номера: историк Франсуа Артог, работает в Высшей школе социальных наук в Париже.

Каково отношение немцев к своему прошлому, и в частности к нацизму? Хиннерк Брунс сквозь призму недавней «битвы историков» в ФРГ исследует зоны, которые долгое время были вычеркнуты из памяти немецкого народа. Исходя из перспективы объединения двух Германий, он пытается определить предпосылки формирования самосознания немецкой нации.

«Прошлое, от которого не уйти»

Хиннерк Брунс

В 1986 г. немецкий историк и философ Эрнст Нольте опубликовал в ФРГ статью «Прошлое, от которого не уйти». Она положила начало долгой и острой дискуссии, получившей название «битва историков». В центре дебатов стоял вопрос о причинах истребления евреев нацистами. Нольте подвергал сомнению правомерность постановки такого вопроса, а социолог и философ Юрген Хабермас обвинял его в апологетике Третьего рейха. Как вы оцениваете подобное столкновение мнений?

— Истинный смысл дискуссии в выявлении отношения немцев к определенному периоду их истории. Она затронула ту связь, которая существует между коллективной памятью народа и его национальным самосознанием, в данном случае в ФРГ через сорок лет после окончания второй мировой войны.

Эти отнюдь не академические споры нужно рассматривать в определенном контексте. Они возникли в ответ на попытки некоторых лидеров использовать историю Германии в качестве политического оружия, исказить созданный у немцев образ прошлого с тем, чтобы как-то изменить понимание народом этого недавнего периода и всей истории в целом, поскольку, по их мнению, устоявшаяся точка зрения оказывает дестабилизирующее влияние и на внутреннюю жизнь страны, и на внешний мир.

Каковы исторические корни таких настроений?

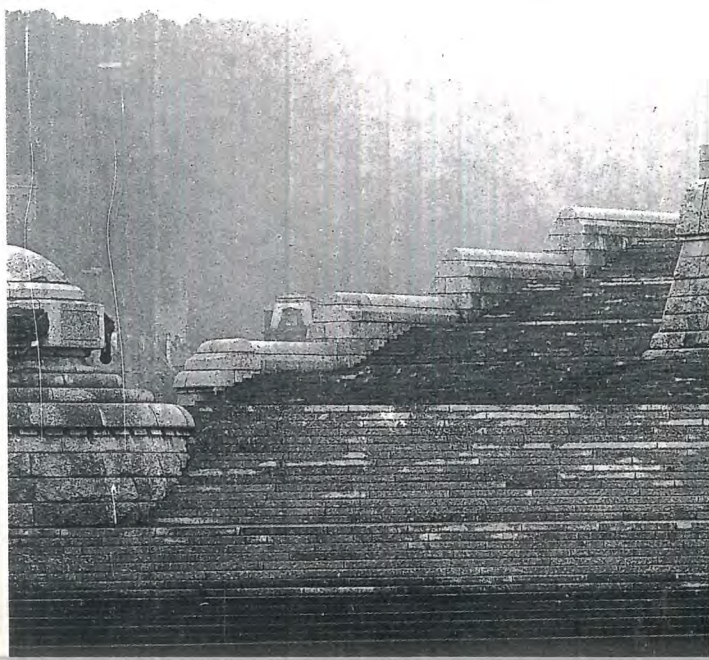
— В этом-то и состоит основная проблема. Существуют две противоположные позиции. Некоторые считают, что в поисках корней следует отбросить историю Третьего рейха и вернуться к предшествовавшим ему временам. Другие утверждают, что период с 1933 по 1945 г. отмечен уникальными в мировой истории событиями и его нельзя просто вычеркнуть из памяти. Образуется пробел в истории, аномалия, мешающая немцам осознать свое собственное прошлое.

Чтобы понять это, нужно вспомнить Германию 1945 г. После безоговорочной капитуляции она перестала существовать и в моральном, и в политическом, и в военном смысле. В 1949 г. были созданы два новых государства с различными социальными и политическими системами, и вскоре

оба они были включены в противостоящие военные блоки. Линия фронта «холодной войны» прошла через самое сердце Германии и ее столицу. Для ФРГ единственным путем к обновлению был путь полного разрыва с прошлым и восприятие демократических традиций Запада, которые были отвергнуты в свое время нацистами.

А как историки оценивают эту драматическую страницу?

— Вначале они были в растерянности. Ведь начиная с XIX в. большинство из них видело свою задачу именно в укреплении единого немецкого государства. Главная цель состояла в объединении всего народа, и осуществление его было возложено на Пруссию. Этим, пожалуй, можно объяснить, почему до первой мировой войны история в Германии в отличие от других стран стояла особняком от остальных общественных и гуманитарных наук. Все усилия направлялись на создание исключительно политической истории

суверенного государства. Эта тенденция особенно усилилась после подписания Версальского мира. В результате немецкие историки с готовностью восприняли извращенные нацистские расовые и политические теории.

После 1945 г. ученые стали интересоваться всеобщей историей, а не только проблемами современности. Конечно, были среди них и такие, как Фридрих Мейнеке, критиковавший традиционную немецкую историографию. И все же в большинстве случаев в трагедии Германии видели некий злой рок. Объяснения искали в области сверхъестественного, в дьявольском помрачении, в психологии толпы. За исключением некоторых ученых-эмигрантов, таких, как Зигмунд Нойманн, немецкие историки не располагали необходимыми методами изучения самого феномена нацизма. Их еще только предстояло выработать.

И насколько велик был разрыв немецкого народа со своим прошлым?

— Оба немецких государства — и ФРГ, и ГДР — развивались под контролем стран-победительниц, стремясь оторваться от своего прошлого и бывших политических традиций.

Веймарская республика считалась неудачным экспериментом, давшим Гитлеру возможность захватить власть, и в образцы не годилась. Единственное, что казалось тогда позитивным, — это давние традиции немецкого федерализма.

Поражение было настолько полным, что новый порядок не встретил никакого сопротивления. В конституции молодой Федеративной республики провозглашалось стремление уничтожить все следы нацизма, а между тем ее государственный аппарат был пропитан им насквозь. Официально запрещалось всякое упоминание о прежних связях с нацизмом тех или иных учреждений или отдельных лиц. В этих условиях в структуру нового демократического государства надеялись интегрировать граждан без их прошлого, отсечь от них историю страны.

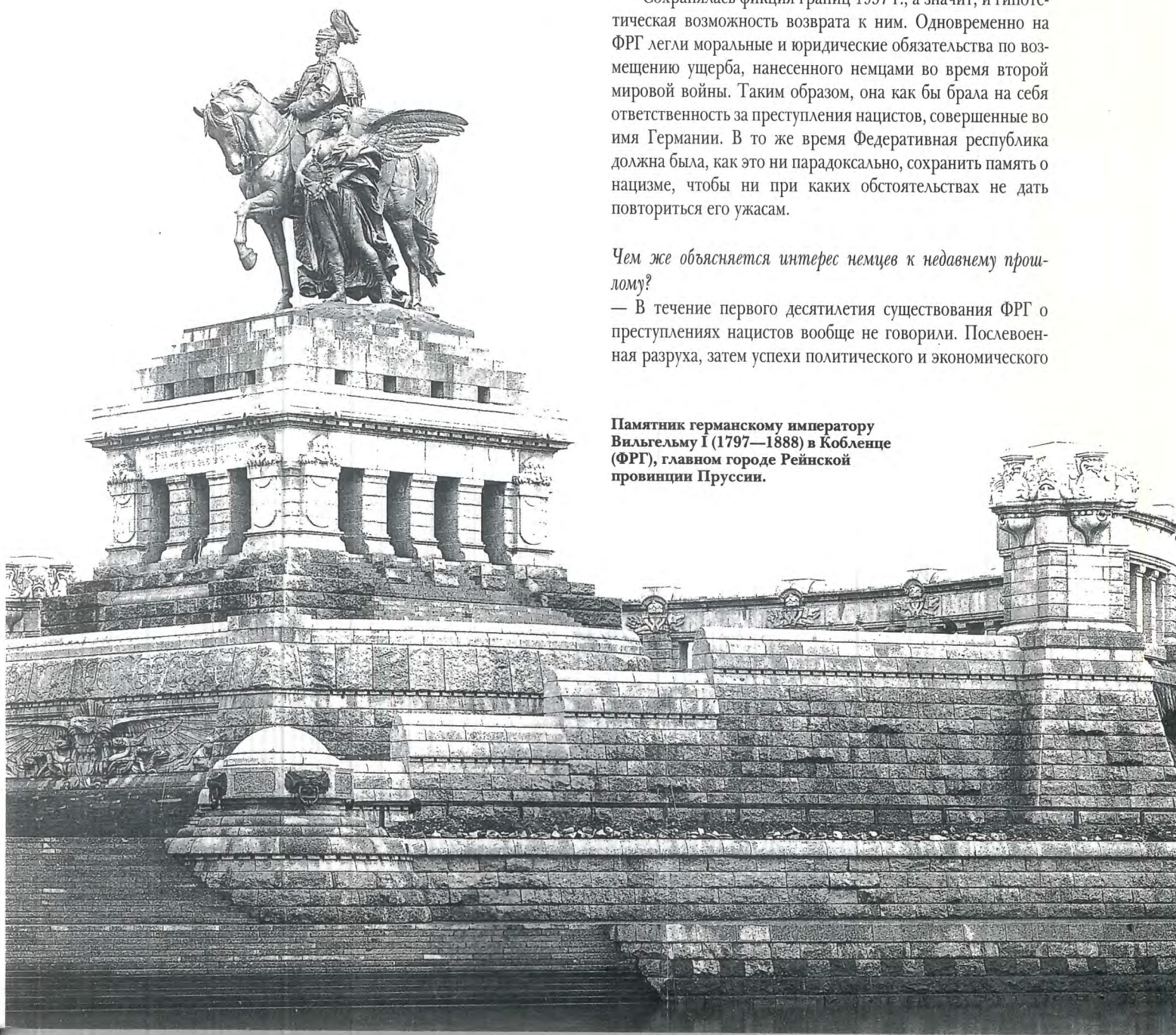
В свою очередь военная и политическая интеграция ФРГ в западный мир предполагала, что «немецкий вопрос» — объединение страны — так и останется открытым. Положение стало двусмысленным. Чтобы гарантировать себе такую интеграцию, Федеративная Республика должна была воздерживаться от признания себя полностью суверенным государством, хотя и претендовала на роль законной наследницы Третьего рейха.

Сохранялась фикция границ 1937 г., а значит, и гипотетическая возможность возврата к ним. Одновременно на ФРГ легли моральные и юридические обязательства по возмещению ущерба, нанесенного немцами во время второй мировой войны. Таким образом, она как бы брала на себя ответственность за преступления нацистов, совершенные во имя Германии. В то же время Федеративная республика должна была, как это ни парадоксально, сохранить память о нацизме, чтобы ни при каких обстоятельствах не дать повториться его ужасам.

Чем же объясняется интерес немцев к недавнему прошлому?

— В течение первого десятилетия существования ФРГ о преступлениях нацистов вообще не говорили. Послевоенная разруха, затем успехи политического и экономического

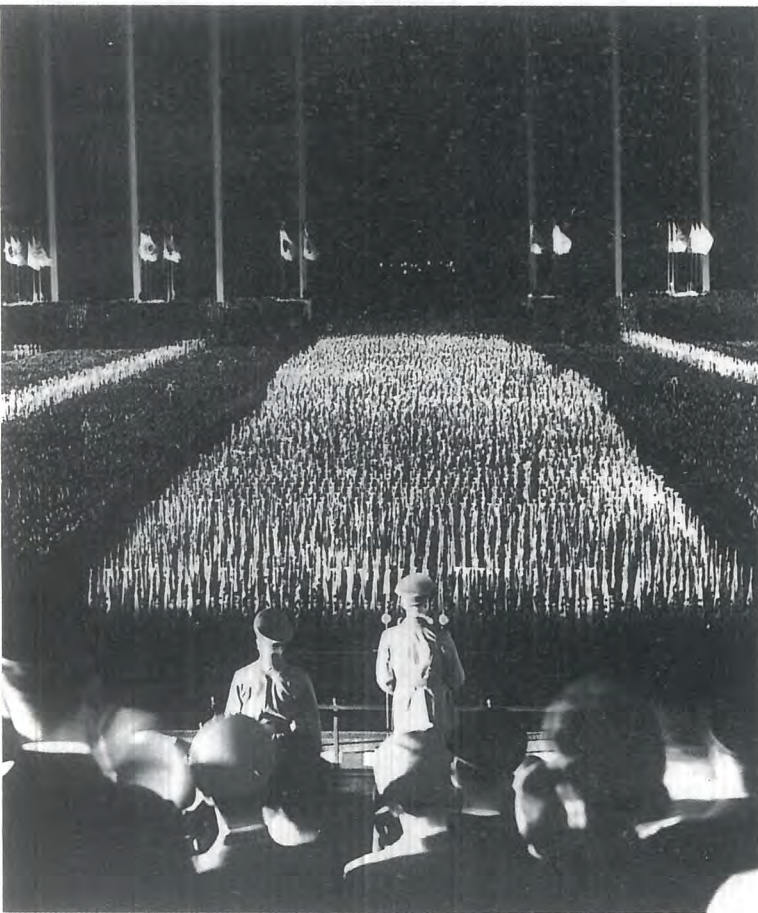
Памятник германскому императору Вильгельму I (1797—1888) в Кобленце (ФРГ), главном городе Рейнской провинции Пруссии.

возрождения вызвали всеобщий прагматизм, и историческая память, казалось, утратила всякое значение. На внешнеполитическом уровне к немцам перестали относиться как к виновникам и побежденным, они стали полноправными членами союза западных стран. Новое государство горячо поддерживали и его собственные граждане, и различные заинтересованные группы. В ФРГ видели временное решение проблемы, а поскольку ГДР просто не признавали, то воссоединение Германии считалось возможным только в рамках западного мира. В условиях «холодной войны» раздел страны привел к тому, что антикоммунизм и приверженность идеалам Запада стали в Федеративной республике отличительными чертами растущего национального самосознания.

Теперь, спустя сорок лет, можно с уверенностью сказать, что эксперимент с демократией в ФРГ удался. Государственные институты, экономическая система и демократические ценности западного мира стали ее неотъемлемой принадлежностью. Жители страны гордятся новой немецкой конституцией. Перспектива создания единой Европы также подстегивала желание поскорее порвать со своим

Вверху: Гитлер обращается к нацистам в Нюрнберге. **Внизу:** на Нюрнбергском процессе (1945—1946). На стене видна карта территорий, аннексированных или оккупированных нацистской Германией.

Вверху слева: гитлеровский пропагандистский плакат начала 30-х годов с надписью: «Навсегда «Нет» войне!»
Внизу слева: бараки Освенцима, самого большого лагеря смерти, расположенного на юге Краковского воеводства (Польша).

прошлым. Все это вместе взятое смягчило шок от «утраты» целой страницы недавней истории.

В 50—60-е годы падение Веймарской республики объясняли скорее чрезмерным формализмом, нежели антидемократическими настроениями правящей элиты. Теория тоталитаризма, нашедшая политическое и идеологическое воплощение в нацизме и сталинизме, также способствовала исключению Третьего рейха из немецкой истории. Согласно этой теории, нацизм — «это режим, насильственно навязанный германскому народу. Его можно объяснить только дьявольской способностью Гитлера обольщать народ, ловко манипулировать разобщенными массами». (Кстати, этот тезис опровергает современный историк Ганс Моммзен.)

Только в конце 50-х годов начался болезненный процесс пересмотра исторических мифов. Первым шагом в этом направлении стало выявление элементов авторитарности в немецкой политической системе прежнего режима, антидемократической психологии правящей элиты, политической инертности рабочего движения, крайнего национализма и стремления к сильной государственной власти, а также специфических форм индустриального развития Германии.

Впервые были названы причины процесса, приведшего страну к величайшим потрясениям. После этого уже нельзя объяснить победу нацизма исключительно экономическим кризисом 1929 г., определять его только как навязанную немецкому народу тоталитарную систему и видеть в нем всего лишь некий вставной эпизод в истории Германии.

Какое впечатление произвел этот новый подход немецких историков на их соотечественников? Изменилось ли массовое восприятие национальной истории?

— В 60-е годы восприятие нацизма явно изменилось, это почувствовалось и в средствах массовой информации, и в публичных дискуссиях. Завеса молчания, скрывавшая факты массового истребления евреев, была разорвана процессом над Эйхманом и возобновлением суда над другими военными преступниками. Немцам открылось их собственное прошлое.

Но чем яснее становились истинные размеры и чудовищные подробности этой бойни, тем сильнее ощущалось неприятие всего этого периода в целом. Люди просто не желали чувствовать себя причастными к нему. Историк Эберхард Якель так определил беспрецедентное истребление евреев нацистами: «Никогда прежде не было случая, чтобы государство по приказу своего вождя приняло решение об уничтожении целой нации, включая стариков, женщин и детей, а затем всеми средствами постаралось выполнить его».

Начиная с 60-х годов память об Освенциме стала для немцев «объективной реальностью». Но в то время тень моральной вины еще не легла на историю страны, немцы старались ее не видеть. Образ Освенцима часто мелькал на театральных подмостках и в литературе, но только после появления в 1979 г. многосерийного телевизионного фильма «Бойня» массовый зритель осознал его истинное значение. Далее, с подъемом движений протеста, полностью отрицавших буржуазное общество, призраком фашизма стал

мерещиться повсюду. Казалось, он всегда присутствовал в истории ФРГ. Однако, отождествляя идеологию капитализма и фашизма, эти движения невольно сглаживали остроту проблемы.

К концу 70-х годов в обществе вновь почувствовался интерес к истории, подтверждением чему стала проходившая в 1981 г. в Западном Берлине выставка, посвященная Пруссии. Сначала возник просто интерес к быту прошедших эпох, потом публике захотелось узнать, как выглядел нацизм в повседневной жизни. Тень прошлого росла и ширилась.

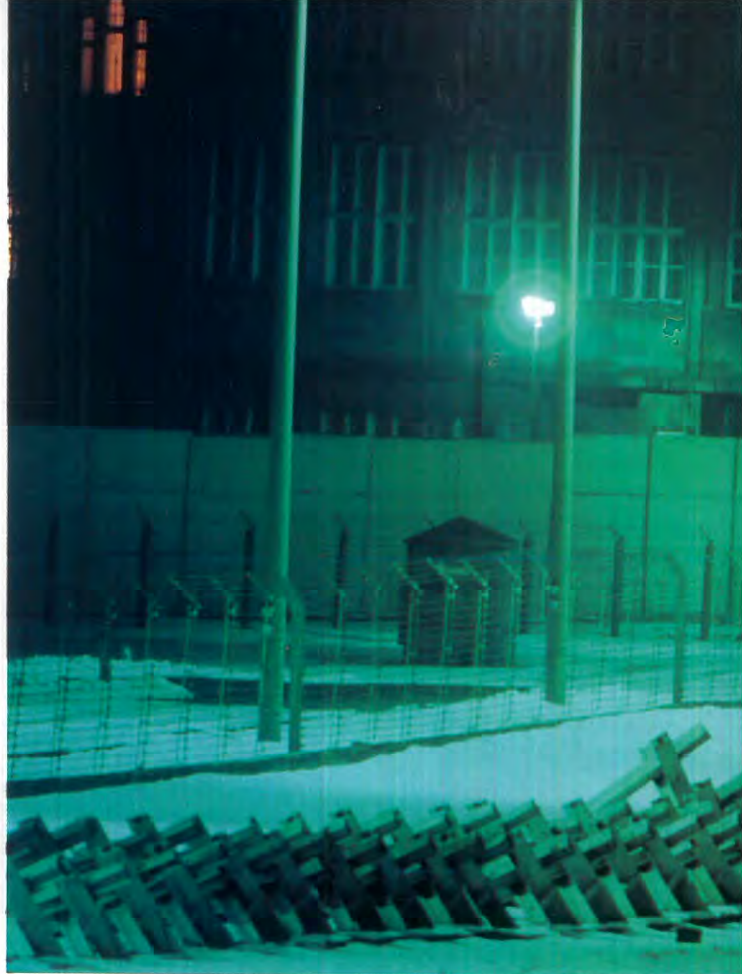
Рассуждения историков о том, как нацистам удалось прийти к власти и какова была ее структура, имели свои политические последствия. Многие и сейчас считают, что во всем виноваты консервативные правящие круги, а Гитлеру отводят второстепенную роль, утверждая, что он никогда не смог бы так возвыситься, если бы его не поддерживали мощные антилиберальные, антисоциалистические силы. Дискуссия продолжается и поныне. Одна сторона считает, что ее оппоненты начисто освобождают Гитлера от ответственности за происшедшее, другие в свою очередь заявляют, что обвинять во всем Гитлера — значит оправдывать консервативную правящую верхушку.

По мере того как выясняется, насколько всеобъемлющей была гитлеровская машина смерти, все очевиднее становится ответственность тех, кто ей служил, а поскольку с Гитлером сотрудничала вся немецкая бюрократия и армия, все труднее становится исключать эпоху нацизма из общей истории немецкого народа.

И тем не менее все чаще раздаются голоса, требующие создания «позитивной картины немецкого прошлого». Чем вы это объясняете?

— Многие консервативные историки считают, что в интересах политической стабильности необходима связь национального самосознания с прошлым, которая должна стать основой всеобщего согласия. Поэтому кое-кто из них идет на различные хитрости и уловки. Но есть и другой путь осознания собственной истории — путь мужественной и трезвой оценки. Именно на такую позицию встал Рихард фон Вайцеккер. «Независимо от того, считаем мы себя виновными или нет, — заявил он, — мы все равно должны признать свое прошлое. Его последствия — это наш сегодняшний день, а значит, мы все — его свидетели, хотим мы этого или нет». Историк С. Мейер не только разделяет такой взгляд, но и идет дальше, считая Освенцим важным элементом формирования немецкого общественного сознания.

Так называемый здоровый, избирательный патриотизм, которому так хотелось бы придать Освенцим забвению, в действительности вольно или невольно подвергает сомнению саму историческую базу возникновения ФРГ. Вполне законно и естественно желание сохранить память о демократических традициях эпохи, предшествовавшей Третьему рейху, и выявить те их возможности, которые так и остались нереализованными. Но в структуре немецкого общества, пришедшего к ужасам нацизма, эти элементы играли слишком незначительную роль. Для полноты картины нужна панорама всего прошлого, всех периодов без

исключения. Новое политическое сознание ФРГ требует отбросить двусмысленное «стерильное» отношение к национальной истории.

Задача ученого не в фабрикации мнимых традиций, которые могли бы понравиться широкой публике, а в освещении истинных событий и объяснении их причин. А это требует постоянного обновления той фактической базы, на которой строится образ прошлого, причем отнюдь не в угоду политической конъюнктуре. Историческое самосознание — не данность, а открытый процесс, в котором сталкивается множество мировоззрений и интересов. Только так можно подходить к изучению недавнего прошлого Германии: историческое самосознание не может базироваться только на логике национальной государственности.

Своеобразие немецкого национального самосознания сформировалось в ходе исторического развития Германии, неотделимого, кстати, от истории соседних народов. Страшный путь, по которому пошли немцы после 1933 г., мог стать в нашем веке судьбой любого европейского народа. Новая связь между историей и национальным самосознанием — проблема не только немцев и немецких историков. Это часть нашего общего прошлого, и об этом не должна забывать в будущем объединенная Европа.

Как перемены, начавшиеся в ГДР в ноябре 1989 г., влияют на сложную оценку немецким народом своего прошлого? Каково отношение ГДР к нацизму?

— С самого начала ГДР объявила себя антифашистским государством, вставшим на новый исторический путь. Разрыв с прошлым стал здесь государственной догмой. В результате, как утверждает Н. Рован, ГДР отказалась не

Берлинская стена, до и после «падения» в ноябре 1989 г.

только участвовать наравне с ФРГ в возмещении ущерба жертвам Третьего рейха, но и хранить вместе с ней память о совершенных в прошлом преступлениях, принимать участие в поисках военных преступников и предавать их суду. После краха политической системы Восточной Германии общество должно перейти от критики сталинизма к анализу того наследия, которое досталось ему от 1933—1945 гг. Германской Демократической Республике, привыкшей вести свою хронологию исключительно от «светлых» дней и «прогрессивных» акций, придется отказаться от выборочного подхода к собственной истории. Сближение с Федеративной Республикой ведет к необходимости разделить с ней общее прошлое.

Каким же образом можно будет примирить два столь различных исторических подхода, в случае если эти два государства создадут конфедерацию или даже союз?

— 9 ноября 1989 г. немцы, живущие в двух государствах с совершенно непохожими социальными структурами, снова стали единой нацией. Однако не следует забывать, что в течение сорока лет они жили и воспитывались по-разному; у каждого была своя история. Естественно, возникает и еще будет возникать множество проблем. Западные немцы не видят никаких причин отказаться от своего мировоззрения, но даже при самых радикальных изменениях в ГДР восточногерманская самобытность тоже не исчезнет в одночасье. Остается чувство общности, усиленное совместными страданиями и трудностями, к тому же восточных немцев сегодня объединяет гордость за революционные перемены, которые им удалось добиться. Они далеко не во всем одобряют Федеративную Республику, хотя и испытывают на себе ее огром-

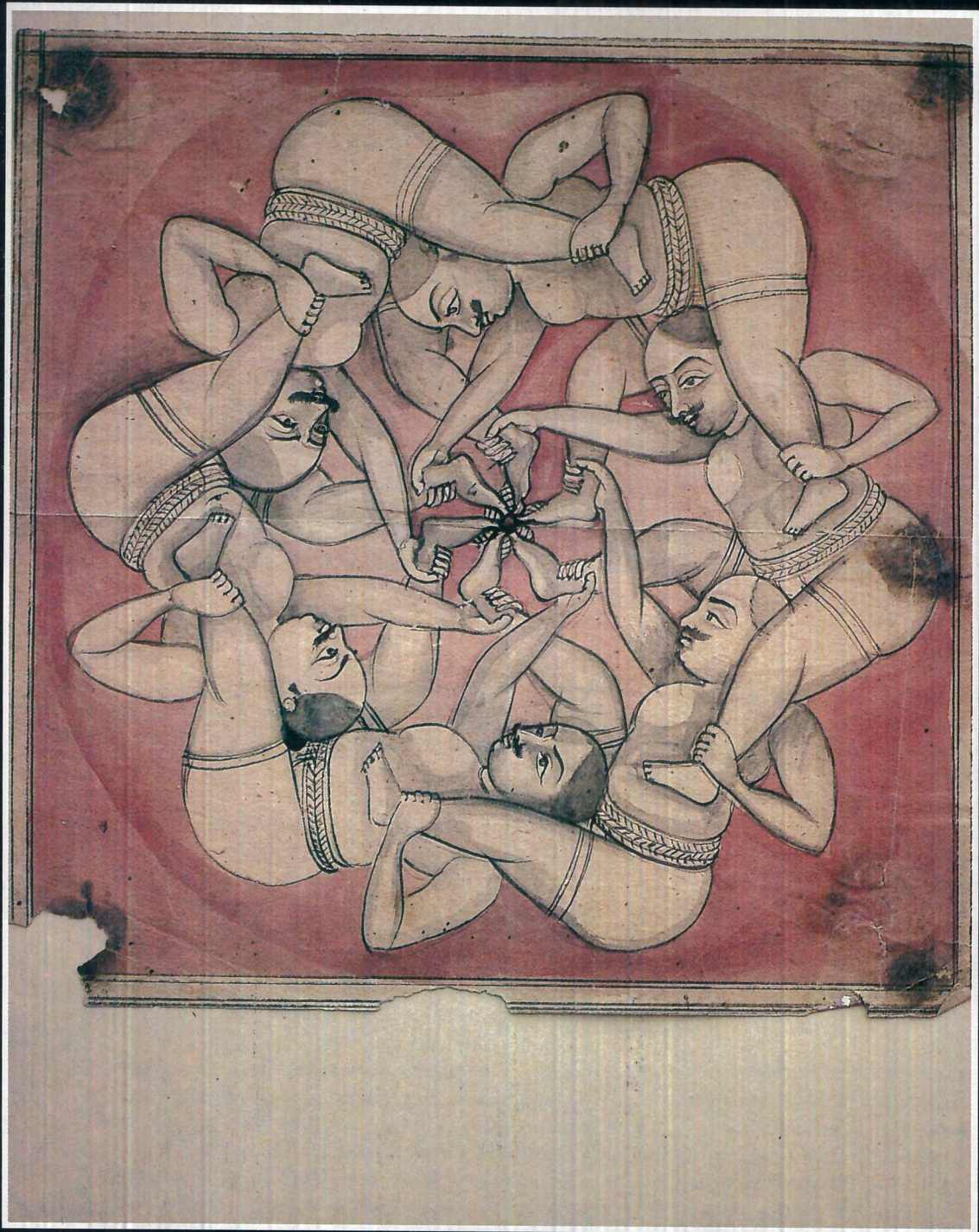
ную притягательную силу. Восточные немцы по-прежнему мечтают о «хорошем» обществе, об «истинном» социализме, надеются воплотить свои ценности и идеалы в новой Германии.

Какова же сегодня главная задача историка?

— В ГДР политическая свобода не только даст возможность, но и вынудит критически пересмотреть историю страны. В результате неизбежно встанут новые вопросы, потребуется работа в закрытых прежде архивах и создание новых. Теперь, когда «официальной» истории больше нет, нужно писать настоящую. Это особенно важно сегодня, когда молодые ученые из Восточной Германии имеют возможность работать в сотрудничестве с зарубежными коллегами.

Исходный материал историка — не только события и документальные свидетельства. Это и картины, живущие в памяти людей или рождаемые человеческим воображением. Сейчас кажется, будто шаг истории убыстрился, и мы живем либо на пороге новой эры, либо в конце послевоенного периода. В такие моменты историка особенно важно помнить о тяжести прошлого — о геноциде времен второй мировой войны, — чтобы помочь людям осознать, какие с тех пор произошли перемены. Ученый должен постоянно воздействовать на коллективную память народа, дабы предупредить спекуляцию на внушенных ему образах и представлениях в политических целях. В этом смысле историк, глядя в прошлое, работает для будущего.

В заключение мне бы хотелось вспомнить Макса Вебера, который, перефразировав слова Александра Герцена о России, сказал, что Германия должна и будет принадлежать не отцам, а детям. ■

КАК мы представляем себе прошлое, что думаем об излагаемых историографами данных — такова тема этого номера журнала «Курьер ЮНЕСКО». Исследователь, берущий на себя ответственность изучать прошлое, ближайшее или отдаленное, неизбежно сталкивается с проблемой достоверности информации. Каковы же место и роль историка в решении этого вопроса?

В своем знаменитом сочинении о греко-персидских войнах Геродот, которого считают отцом исторической науки, нарисовал довольно правдивую картину, отразив в ней разные взгляды на происходившие события: варваров, с одной стороны, и греков — с другой. Ведь единства без противоположностей не существует.

Чем ближе к сегодняшнему дню, тем сложнее отношения между историей и национальным самосознанием. Взять хотя бы колониальный период: как могли народы поработанных стран составить представление о собственной истории, если колонизаторы то возвращали ее к жизни, то уничтожали, то перекраивали на свой лад.

А вопрос национального единства в Европе XIX в.? На этот счет среди ученых существуют самые разные мнения, но всех их объединяет извечное стремление добраться до истины и представить ее людям. Каждый идет к этой цели по-своему. Можно избрать прямой путь, как у Мишле, уподоблявшего Францию живому человеку, или воспользоваться аналогией, как Моммзен, очарованный сходством древней Римской республики, объединившей Италию, и Пруссии, сумевшей в XIX в. добиться подобных результатов.

Быть может, в этой быстротечной и запутанной жизни главная задача историка состоит в том, чтобы, используя определенные методы и критерии, исследовать глубины национального самосознания, искать его новые проявления. В современном мире ломаются границы реальной и символической самобытности. С одной стороны, утверждается метасамобытность (арабская, европейская), с другой — мини-самобытность (региональная, этническая, конфессиональная). Таким образом, постоянно происходит переосмысление этого понятия.

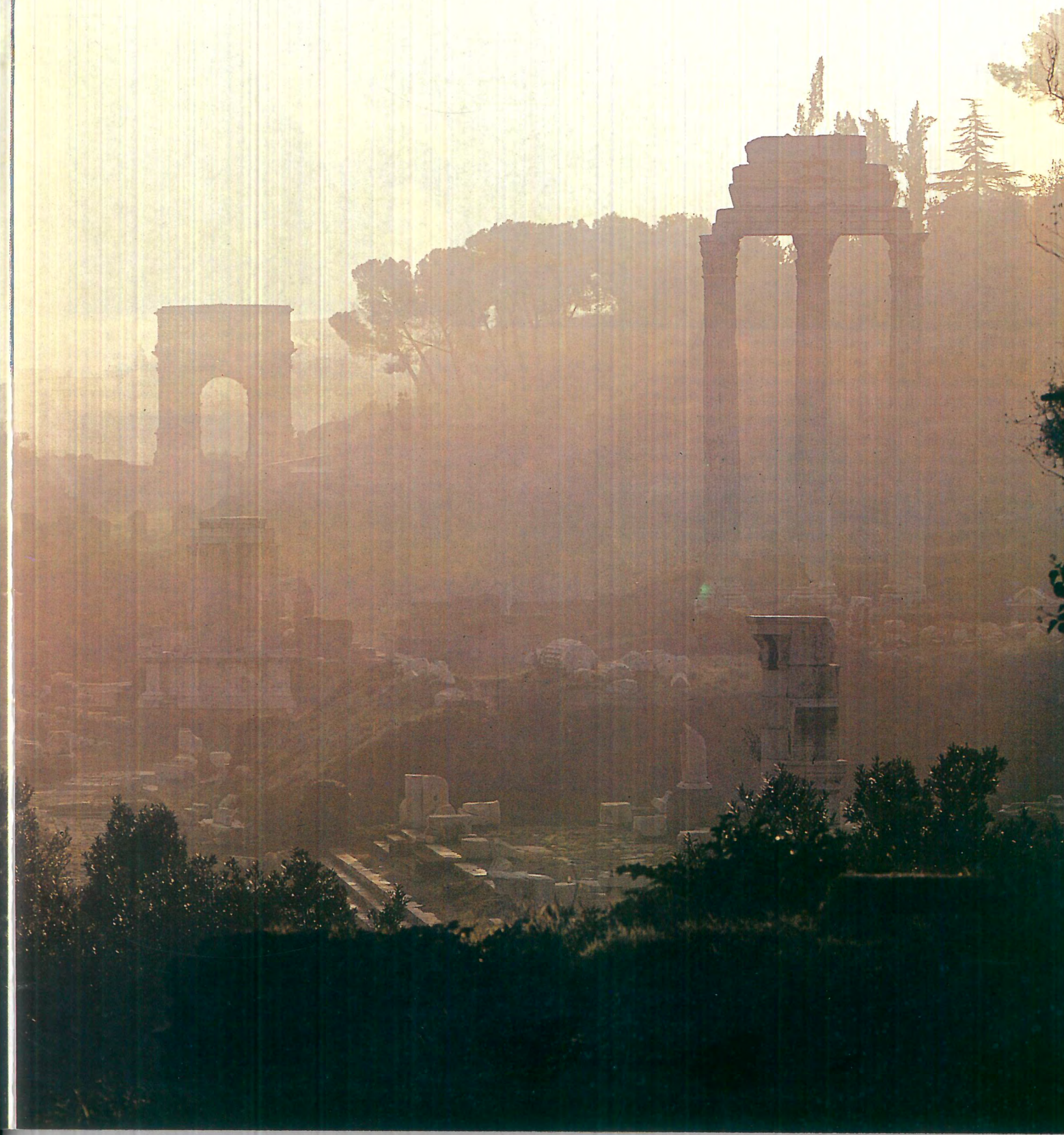
Ни одно из имеющихся определений национального самосознания не отвергает значение прошлого, однако, если взять за идеал некий утраченный образ, легко впасть в иллюзию, а это в свою очередь чревато серьезными последствиями. Здесь и кроется ключ к этой проблеме, которую можно разрешить, найдя точки соприкосновения между прошлым и настоящим, и именно историк обязан внести в этот процесс свой особый вклад, ибо он работает не только ради восстановления прошлого, но и во имя будущего.

Ученые Теодор Моммзен, Жюль Мишле и Фернан Бродель излагают три взгляда на историю, три концепции национального самосознания. Однако все они горячо отстаивают мысль о важности изучения прошлого всего человечества. Так, в ответ на замечание Марка Блока о том, что «нет истории Франции, а есть история Европы», Бродель говорит: «Нет истории Европы, а есть всемирная история».

**Развалины Древнего Рима
в лучах восходящего
солнца.**

история и самосознание

ТЕОДОР МОММЗЕН ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ

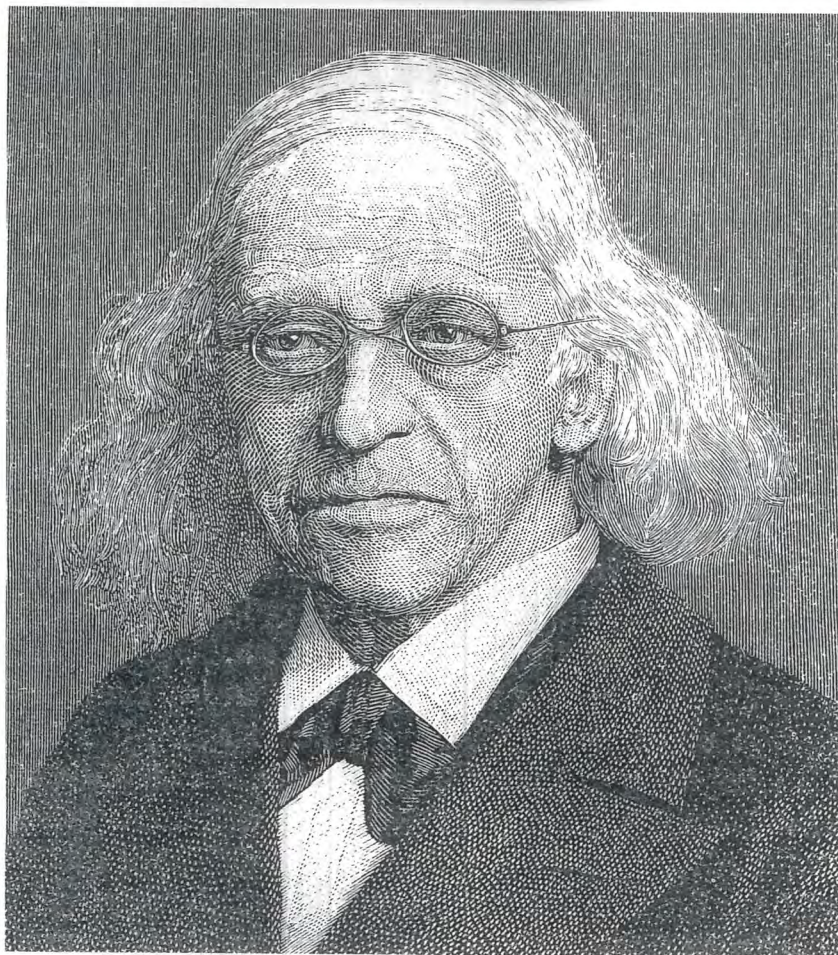
ТЕОДОР Моммзен (1817—1903), немецкий историк, специалист по античности, внес глубокий вклад в изучение истории Древнего Рима. За свой труд «*Römische Geschichte*» («Римская история»), первые три тома которого были опубликованы в 1854—1856 гг., он был удостоен в 1902 г. Нобелевской премии.

Моммзен первым из ученых подошел к истории комплексно. В своих исследованиях он опирался на самые разные области знаний — от юриспруденции, лингвистики и литературоведения до эпиграфии, нумизматики и археологии. «Римская история» одинаково интересна для политологов, культурологов, экономистов и социологов. В книге «*Römisches Staatsrecht*», 1871—1888 («Римское конституционное право») Моммзен воссоздал картину римского государства, долгое время считавшуюся наиболее достоверной. Он представил Древний Рим как систему взаимосвязей магистратуры, сената и общин свободных граждан. Из совокупности этих институтов родилось гражданское и уголовное право, и Моммзен был первым, кто занялся его систематическим изучением, создав в 1899 г. труд «*Römisches Strafrecht*» («Римское уголовное право»). Однако ключевым, по его мнению, институтом власти как в Римской республике, так и на раннем этапе существования империи, была магистратура.

Моммзен не был просто исследователем. Благодаря блестящим организаторским способностям он привлек к изучению прошлого самый широкий научный инструментарий. По инициативе ученого и под его руководством было начато издание свода латинских надписей «*Corpus Inscriptionum Latinarum*».

«Римская история» была написана после поражения революции 1848 г. в Германии. Рухнули надежды увидеть страну объединенной под руководством либеральных и демократических сил. Это не могло оставить равнодушным Моммзена, который придавал большое значение единству своей родины. Он стал приверженцем политики, проводимой Бисмарком, и поначалу приветствовал объединение Германии, достигнутое в 1871 г.

Моммзен усматривал историческую параллель между Пруссией и Римом, считая, что в объединении Германии Пруссия должна сыграть роль, аналогичную миссии Рима в объединенной Италии. История Древнего Рима была для него созвучна тому, что происходило в тот период в его стране.

Теодор Моммзен
(1817—1903).

Зодчим римского государства он считал Юлия Цезаря и был убежден, что при его правлении свобода римских граждан гарантировалась идеальным равновесием между правительством, законом, сплоченностью и свободой. Однако развитие Римской империи в период правления Августа и особенно потеря гражданских свобод привели к крушению планов Цезаря. Его мечте о великой итало-греческой нации не суждено было сбыться. Моммзен заканчивает свою работу смертью Цезаря. История принципата, существовавшего на первой стадии правления Августа, так и не была написана.

Не оправдывая римских императоров, Моммзен столь же критически относился и к Бисмарку, лишившему германский союз демократической основы, а парламент — политической власти. Он приходил в отчаяние от позиции немецкой буржуазии, которая упивалась своим могуществом и процветанием и прекрасно обходилась без гражданских свобод. «Я всегда был политическим животным, — писал он в своем завещании, — а мечтал быть гражданином. Однако это было невозможно в рамках нашей нации, где личность, пусть даже самая незаурядная, сталкивается с регламентацией и политическим фетишизмом».

Как историк, Моммзен был человеком своего времени. Даже не будучи учеными, мы можем оценить его концепцию долга историка: «Каждый, кто занимается историей, особенно новейшей, обязан заботиться о политическом просвещении людей. Исследователь помогает тем, для кого он пишет, определить и сформулировать свое отношение к государству».

Юлий Цезарь
(100 или 101—44 гг.
до н. э.)

Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815—1898).

ХИННЕРК БРУНС ■

ЖЮЛЬ МИШЛЕ ПРОРОК И ИСТОРИК

МИШЛЕ был человеком необыкновенным. Необычной была сама его бурная карьера. Сын ремесленника-печатника, разорившегося при Наполеоне, он получил среднее и высшее образование, стал преподавателем Эколь нормаль сюрперьер (1827), затем заведующим историческим отделом Национального архива (1830) и, наконец, преподавателем Коллеж де Франс (1838). Кафедра истории и морали, на которой работал ученый, благодаря его красноречию и убеждениям пламенного республиканца стала политической трибуной, откуда Мишле провозглашал свою преданность делу Революции и выступал против иезуитов (1843).

За свою верность Второй республике Мишле был отстранен в 1851 г. от чтения лекций в Коллеж де Франс, а отказ присягнуть Наполеону III стоил ему должности в Национальном архиве. Став, как и Виктор Гюго, изгнанником, хотя и в своей стране, он был непримиримым противником «Маленького Наполеона». Когда в 1874 г. Мишле скончался, проводить его в последний путь пришли более десяти тысяч человек. Это была дань ученому, посвятившему всю свою жизнь воскрешению прошлого во имя будущей свободы нации и братства народа.

Творческое наследие Мишле огромно. Не все в нем бесспорно, несмотря на то что он стремился к безупречности и достоверности своих исторических изысканий. Поэтическое изображение не раз уводило его в сторону: например, его апокалипсическая картина однотысячного года сегодня единодушно опровергнута специалистами. Кроме того, Мишле был необъективен по отношению к католической церкви (со времен ее основания), против которой он яростно выступал, и французской монархии, злоупотребления которой он намеренно преувеличивал, умалчивая о положительных сторонах. «Верховный жрец» гуманистической, патриотической, светской и якобинской идеологии, помимо своей воли вдохновлявший банкетных ораторов и штатных демагогов, ведавших распределением премий в Третьей республике, сегодня он скорее вызывает раздражение, нежели симпатии.

Однако ограничиваться только критикой — значит упустить главное, не понять того огромного вклада, который внес Мишле в историческую науку: в своей монументальной «Истории Франции» (1833—1869) этот удивительный архитектор прошлого сумел нарисовать лицо страны, вдохнуть жизнь в тело нации и дать голос народу.

Жюль Мишле (1798—1874).

Лицо страны. Для Мишле — а он был, по видимому, первым, кому пришла в голову эта мысль, — Франция равноценна живому человеку, материальная и духовная жизнь которого определяется его окружением и географическими условиями. Не случайно он живописует захватывающую картину рождения Франции примерно в однотысячном году, уподобляя провинции органам, обеспечивающим гармоничное функционирование социального организма.

Тело нации. Подобно Огюстену Тьерри и Франсуа Гизо, Мишле переориентировал функцию истории: сухую хронику событий и перечень злодеяний королей и принцев сменил эпический рассказ о рождении и развитии нации. Причем он никогда не воспринимал ее как некую абстракцию, а как живое и страдающее существо из плоти и крови, которое надо понимать скорее сердцем и воображением, нежели умом.

Голос народа. Сын ремесленника, Мишле пережил бурные дни Парижской Коммуны (1792) и сумел — тоже первым — описать народный гнев, пронизывающий историю Франции от Этьена Марсея до Дантона. Никто до него не уловил духа эпохи, в частности средних веков, и не передал его столь поэтично. Правда, порой он несколько напыщенно уподоблял историю народа страданиям Христа, но чаще все же стремился исследовать экономические, политические, социальные, нравственные и религиозные факты в их взаимодействии, на целый век предвосхищая работы историков — основателей журнала «Annales d'histoire économique et sociale» («Анналы экономической и общественной истории»), в частности Люсьена Февра.

Конечно, не стоит натягивать на Мишле

«Франция»,
бронзовый бюст работы
Огюста Родена
(1840—1917)

тесный сюртук преподавателя; он гораздо ближе великим романтикам 30-х годов прошлого века: своей всеохватностью «История Франции» сродни «Человеческой комедии». Обладая творческим воображением, Мишле стал первым французским автором, действительно отправившимся на «поиски утраченного времени».

КРИСТИАН АМАЛЬВИ ■

ВОСКРЕШЕНИЕ ИСТОРИИ

В 1830 г. Мишле был назначен заведующим отделом Национального архива.

Его взору открылось захватывающее зрелище не возделанного еще поля прошлого.

КОГДА я впервые вступил в эти лабиринты рукописей, в этот некрополь национальных памятников, я был готов повторить слова того немца, входящего в монастырь Сен-Ванн: «Вот обитель, которую я избрал, здесь упокоится во веки дух мой!»

И все же в кажущейся тишине галерей я сразу уловил некое движение, шепот, который не может исходить от мертвых. Эти документы, давным-давно забытые здесь свитки просили вернуть их к жизни. Это были не просто бумаги, а судьбы людей, провинций, народов. Знаменитые роды и их владения, покрытые пылью гербы не желали смиряться с уготованным им забвением. Восставали провинции, отвергая уничтожавшую их централизацию. Несмотря на все современные законы, продолжали жить королевские указы. Как сказал бы могильщик, послушать тех, кто остался на поле брани, то между ними не нашлось бы ни одного погибшего. И все это жило и говорило, окружая автора многоязычной армией, которую сурово заставляли умолкнуть мощные голоса Республики и Империи.

Тише, господа покойники, пожалуйста, по порядку. Частное прекрасно как частное, общее — как общее. Феод прав, монархия и подавно, не говоря уже о Республике!.. Провинция должна возродиться; Франция вернет себе былую многоликость благодаря четким географическим границам. Они должны быть непременно воссозданы, чтобы со временем вновь исчезнуть, уступая место Франции как таковой. Возродись, монархия! Франция, восстань! Пусть научная классификация хоть раз послужит путеводной нитью в этом хаосе. Даже если систематизация будет несовершенной, она принесет пользу. Пусть голова едва держится на плечах, а ноги плохо слушаются, все равно это похоже на возрождение.

Сдувая пыль веков, я видел, как вставали мертвые. Из гробниц поднималась то рука, то голова, как в «Страшном суде» Микеланджело или в пляске Смерти. Этот завораживающий танец я и постарался воспроизвести в своей книге.

Жюль Мишле

Обложка популярного издания «Истории Франции» Мишле, опубликованного в Париже около 1900 г.

ХИННЕРК БРУНС, немецкий историк; руководитель франко-немецкой программы Национального центра научных исследований (Париж), преподаватель Высшей школы социальных наук в Париже. Автор многочисленных публикаций, в том числе трудов, посвященных античному городу, творчеству Теодора Моммзена и Макса Вебера.

КРИСТИАН АМАЛЬВИ, французский ученый. С 1980 г. работает в Национальной библиотеке в Париже. Опубликовал свыше 50 статей и книг по преподаванию истории, историографии и истории национальных мифов во Франции 1789—1989 гг.

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ

ПОКОРИТЕЛЬ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

ПОДОБНО Виктору Гюго, только с разрывом в столетие, Фернану Броделю выпало родиться, когда «нашему веку было всего два года», и умереть в возрасте восьмидесяти трех лет. Если бы не встреча в 1927 г. с историком, основателем журнала «Анналы...» Люсьеном Февром, если бы не знакомство в 1931 г. с великим бельгийским историком Анри Пиренном, Фернан Бродель, возможно, стал бы автором какого-нибудь академического труда, посвященного политике Филиппа II в Средиземноморье. Совершив полный переворот в его сознании, Люсьен Февр заставил ученого обратить внимание не на капризы Филиппа II, а на само Средиземноморье и заняться изучением не Испании времен расцвета, а империи венецианских купцов и генуэзских банкиров.

Стремясь отразить своеобразие Средиземного моря и его побережья как геофизического феномена, не зависящего от национальных, религиозных и языковых границ, выявить в этом регионе плоды человеческой деятельности во всем их пространственно-временном разнообразии (незыблемые законы материальной жизни, торговля, «история сражений»), Бродель создал на основе реальных конкретного географического региона глобальный метод исследования.

Вспомним его знаменитое разложение времени на три уровня: неизменную молчаливую ископаемую историю, определяющую отношения человека с окружающей его естественной средой; социальную историю, которая периодизирует жизнь экономических групп, сельских и городских сообществ и национальных государств; и наконец, бурную, шумную событийную историю.

В 1947 г., вернувшись из плена, он защитил диссертацию и опубликовал ее в 1949 г. под заголовком «La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II» («Средиземноморье в эпоху Филиппа II»), выдвинув в ней на первое место не короля, а само море. В этом труде он изложил свою революционную геоисторическую концепцию пространства и времени. После этого перед ним открылись двери Коллеж де Франс, где он стал преемником Люсьена Февра на кафедре истории современной цивилизации.

Знаменитая концепция «исторического времени», блистательно изложенная на его первой лекции в Коллеж де Франс 1 декабря 1950 г., в дальнейшем получила развитие в трилогии (1979): «Les structures du quotidien» («Структура повседневности»), «Les jeux de l'échange» («Превратности обмена»), «Le temps du monde» («Время мира»). Как и в случае со Средиземноморьем, но в несравненно более широком масштабе, Бродель рассуждает здесь практически обо всех континентах, возводя трехъярусную конструкцию: «внизу — многообразные формы

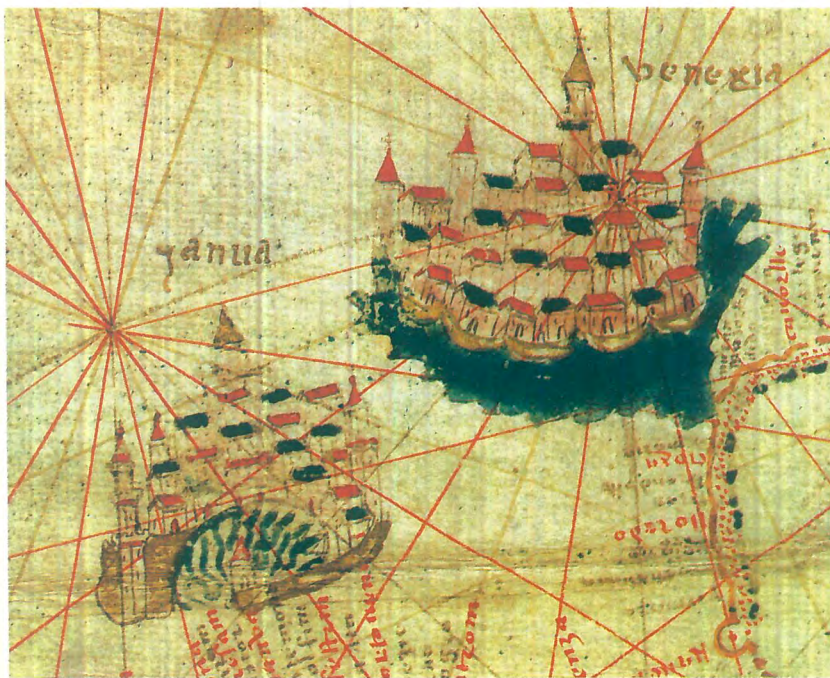
Фернан Бродель
(1902—1985).
Внизу: Португалан XV в. с
изображением Генуи и
Венеции, двух крупных
приморских городов
Средиземноморья.
Библиотека Марчиана,
Венеция.

самодостаточной материальной жизни, выше — более сложные проявления экономики; тяготеющей к рыночным отношениям с присущей им свободной конкуренцией и, наконец, венчает «сооружение» капиталистическая деятельность».

В ходе этого удивительного всеобъемлющего анализа всемирной истории с конца средних веков и до начала промышленной революции Бродель не только ввел новое восприятие времени («протяженную длительность»), но и пополнил арсенал историка самыми совершенными исследовательскими приемами, заимствованными из других гуманитарных наук. «Сама по себе история, — признавался он, — занимает меня гораздо меньше, чем комплекс знаний, связанных с науками о человеке... Чтобы стать более значимой, истории нужно включить в себя другие гуманитарные дисциплины, наукам же о человеке, в свою очередь, не обойтись без исторических данных». Бродель похож на одного из отважных мореплавателей эпохи Возрождения, которые, отказавшись от каботажного плавания своих предшественников, смело вышли в открытый океан; он пустился в плавание по волнам всемирной истории, и хотя до него ее исследовали Анри Пиренн, Анри Озер, Люсьен Февр, Марк Блок, Эрнест Лабрус, он создавал ее первые научные карты.

И наконец, Фернан Бродель был еще и выдающимся организатором: он сумел найти для своих новаторских идей и для работы своих учеников достаточно гибкие рамки официальных учреждений. В 1948 г. он участвовал в создании VI отделения Практической школы высших знаний, которое с 1956 по 1972 г. под его руководством превратилось в международный центр новой истории. В 1962 г. он создал Дом наук о человеке и руководил им до самой своей смерти. Кроме того, он сначала вместе с Люсьеном Февром (1946—1956), а затем один (1955—1965) издавал журнал «Анналы...», способствуя приключению социально-экономической истории во Французский университет.

Как ни парадоксально, но Фернан Бродель, сочетавший в себе талант крупного ученого и настоящего писателя, был больше известен за рубежом, чем у себя на родине, — прежде всего, конечно, в средиземноморских странах, а также в Польше и США. Только в 1979 г., когда в телевизионной передаче «Апостроф» был представлен его труд «Civilisation matérielle, économie et capitalisme» («Материальная цивилизация, экономика и капитализм»), широкая французская публика открыла для себя создателя «Школы Анналов». В 1984 г. Бродель был избран членом Французской академии, став вместе с Клодом Леви-Стросом и Жоржем Дюмезилем одним из последних великих ученых Франции, получивших признание при жизни.

ПРОСВЕЩЕНИЕ НАЦИИ

КРИСТИАН АМАЛЬВИ

Во французском обществе (в школах, лицеях, университетах, в научно-исследовательских институтах и средствах массовой информации) история занимает сегодня исключительно важное место. Трудно даже себе представить, что когда-то все обстояло совершенно иначе. Между тем факты налицо: широкое признание, которым пользуются в наши дни историки, особенно в сфере образования, далось им не без труда. Анализируя этот полный бурных событий путь, нужно прежде всего выделить три основных момента, знаменующих глубокие изменения в культурной жизни Франции.

История на полях: 1660—1814 гг.

При монархическом правлении история существовала лишь в качестве заметок, прежде всего на полях классических текстов на латинском языке. Преподаванию латыни уделялось перво-степенное внимание. История проявлялась косвенно, через комментарии, через переводы произведений Тита Ливия, Саллюстия, Цезаря, Светония, Тацита, Квинтуса Курциуса. Не было ни самостоятельной исторической литературы, ни подготовленных специалистов. Лекций по этому предмету не читали, в обычные программы историю, как правило, не включали, а занимались ею в свободное время — по воскресеньям и праздникам.

Единственным достоинством истории с педагогической точки зрения считалось ее нравственное содержание. И действительно, это бездонный кладезь премудрости. Но в эпоху Возрождения он был достоянием государей, черпавших из него конкретные политические уроки. Лишь с конца XVII в. доступ к нему открылся некоторым представителям крупной буржуазии, аристократии и высшего духовенства.

Как ни стремились педагоги-реформаторы перестроить систему обучения, положив в ее основу знание национальной истории, французская буржуазия, пришедшая к власти после революции 1789 г., гораздо лучше знала героев Тита Ливия и Тацита, чем крупных исторических личностей собственной страны.

Клио, муза истории, наставляющая молодого аристократа. Аллегория XVIII в.

Считается, что XIX в., давший Франции Огюстена Тьери, Мишле, Тэна, Ренана и многих других, был исключительно благоприятным периодом для французской историографии. С этим можно согласиться, если подходить к истории с интеллектуально-литературной точки зрения. Однако, если рассмотреть положение на разных ступенях системы образования (начальной, средней, высшей) с учетом всех превратностей политической жизни Франции в 1814—1914 гг., начинаешь в этом сильно сомневаться: ведь на преподавании истории неизменно отражались все смены либеральных и консервативных режимов, так что фортуна, как всегда, была переменчива.

Уже на первом этапе, в 1814—1830 гг., возник ряд трудностей: не успели объявить этот предмет в соответствии с постановлением от 15 мая 1818 г. обязательным для изучения в средней школе, как он снова впал в немилость. В 1820 г. после прихода к власти ультрароялистов в парижских лицеях ликвидировали целый ряд кафедр истории, а в Сорбонне запретили курсы лекций Гизо по истории современности.

«Золотой век» истории начался во времена Июльской монархии. Создание в 1834 г. Комитета исторических работ дало новый импульс историографии. Уже в октябре 1830 г. Гизо назначил Мишле начальником исторического отдела Национального архива (см. статью на с. 15), а в 1838 г. Мишле стал профессором Коллеж де Франс. Истории стали отводить больше места в программах и учебных планах лицеев и коллежей; с 1830 г. на конкурсной основе ежегодно назначалось 4—6 преподавателей лицеев и других учебных заведений, кроме того, в 1830—1848 гг. появилось множество учебников по этому предмету. Накануне революции 1848 г. история уже считалась одной из главных дисциплин в средней школе. Чем же объясняется столь благоприятная эволюция, не затронувшая, правда, пока всю систему народного образования?

Во-первых, в это время у власти оказались два знаменитых историка: Гизо и Тьер. Кроме того, этот период совпал с расцветом романтизма, заново воссоздававшим прошлое, и в частности средневековье, подобно тому как гуманисты эпохи Возрождения открывали, казалось, навеки утраченную античность.

Таким образом, революционный порыв придал истории мифологический характер, и ее роль в первой половине XIX в. сводилась главным образом к поиску священных национальных корней. Наконец, в политическом отношении Луи-Филиппу Орлеанскому для укрепления своего пошатнувшегося трона оставалось надеяться лишь на историков, способных представить его правление как некую «золотую середину», закономерный итог всего исторического развития Франции и единственный путь к примирению роялистов и революционеров.

«Республика» (1848), картина французского художника Жюль Клода Зиглера (1804—1856).

Однако во времена Второй империи подход к истории коренным образом изменился; в ней усмотрели вред устоям общества. В 1852 г. был упразднен конкурс на замещение вакантной должности преподавателя истории, а изгнанный из Коллеж де Франс Мишле вынужден был уйти и из Национального архива. Более чем на десять лет в усмирненной историографии воцарился «порядок», и только после назначения на пост министра просвещения известного римского ученого Виктора Дюрюи (1863—1869), история вновь заняла достойное место в лицеях и коллежах и была официально включена в программы начальной школы. Однако события «страшного года» (поражение во франко-прусской войне 1870 г., провозглашение Парижской Коммуны весной 1871 г.) поставили под угрозу либеральные меры Дюрюи.

Наконец, когда страна начала оправляться от трагических событий, общественное мнение стало склоняться к мысли о том, что народ должен знать свое прошлое. Но как только речь заходила об определении содержания конкретных учебных курсов, тут же возникали политические разногласия. Католики во имя «спасения Франции» стремились вернуться к идеализированному средневековью, видя в нем образец христианской жизни. Республиканцы, напротив, призывали к изучению современности,

революции и ее последствий, дабы воспитать просвещенного гражданина, осознающего свой политический долг, и избавить Францию от судорожной смены революций и монархий и сопровождающих их репрессий. Однако эта реформаторская программа была проведена в жизнь Жюлем Ферри и его единомышленниками лишь в 1880 г. после победы над наполеоновским «Ordre moral».

Во времена Третьей республики начался второй «золотой век» истории, причем он продолжился значительно дольше, чем при Июльской монархии. Во-первых, позитивизм дал историкам надежную методологию исследований, необходимую для систематизации знаний. Во-вторых, Республика имела гораздо более широкую социальную базу, чем хрупкая орлеанская монархия, что и позволило пропагандировать историю в самых разных слоях французского общества.

Благодаря Эрнесту Лависсу и его учебникам, по которым учатся и по сей день (в частности, написанным в 1884 и 1913 г.), национальное прошлое Франции стало основой для привития ученикам начальной школы республиканской идеологии. На первое место выдвинулись священная любовь к Родине, понимание, что государство — гарант национального единства, а демократия — дочь французской революции. В то же время высшая школа из места светского времяпрепровождения постепенно превратилась в центр подготовки преподавателей средней школы и проведения научных исследований (по примеру немецких университетов). Наконец, законом 1902 г. было особо выделено преподавание современной истории в средней школе и поставлена цель превращения его в подлинное правовое воспитание, помогающее формированию интеллектуальной элиты, призванной возглавить научный и социальный прогресс. Эта система, символом которой стала Сорбонна, вновь воздвигнутая в центре старого Латинского квартала в 1883—1901 гг., просуществовала, несмотря на все трещины, вплоть до переломного момента, наступившего в 60-х годах нашего столетия.

К торжеству новой истории: 1919—1989 гг.

Никогда еще дела с преподаванием истории не обстояли так хорошо, как в XX в. Благодаря патриотическому духу, привитому в начальной школе учебниками Лависса и его последователей, французские солдаты выдержали четырехлетнее сидение в грязных окопах во время первой мировой войны, а во вторую мировую пламя Сопротивления не угасло под сапогами нацистов. В средней школе преподавание истории и философии также выполнило возложенную на него реформаторами 1902 г. миссию: оно сформировало людей, не поддавшихся фашизму в 30-е годы и построивших демократическую

Францию после войны. И наконец, были также достигнуты цели реформы высшего образования: докторская диссертация во Франции дает право преподавания в любом учебном заведении, заявляя миру о силе французской исторической школы. Такое завидное положение в значительной мере объясняется особым вниманием, которое с 1880 г. уделяется в стране подготовке кадров.

Кадр из фильма Франка Кассанти «Песнь о Роланде» (1977), повествующего о подвигах героя этой эпической поэмы конца XI в.

Однако за этим внешним благополучием скрываются огромные трудности, выпадающие на долю преподавателей. Успехи в войне 1914—1918 гг. были в какой-то степени достигнуты благодаря учебнику по истории для начальной школы, однако начавшийся в 1919 г. разгул шовинизма и продолжавшийся до 1939 г. заставил многих учителей стать яркими пацифистами. В то же время зачастую наивное восхваление революционной и карикатурное изображение королевской власти вызывали возмущение католического населения, особенно на западе страны. Итак, до 1945 г. среднее образование переживало расцвет, однако после войны в связи с массовым притоком молодежи в коллежи и лицеи задача подготовки элиты, поставленная буржуазной республикой, потеряла свою актуальность и была заменена задачей воспитания национального самосознания (хотя не всегда было ясно, что же под этим понимается).

С конца 50-х годов вновь попала под сомнение концепция преподавания истории, которую признали устаревшей. В лицеях стали изучать «Новую историю», составленную университетом на базе социально-экономических данных с помощью сотрудников журнала «Анналы...» Этот журнал, основанный в 1929 г. Люсьеном Февром и Марком Блоком, устремился на штурм позитивистской «Новой Сорбонны», где во главу угла ставились военные и политические аспекты. Возникла потребность заменить классическую «историю сражений» «историей проблем», взять на вооружение современные методы новых гуманитарных и общественных наук: антропологии, социологии, этнографии, экономики и лингвистики.

Благодаря усилиям Фернана Броделя (см. статью на с. 16) в начале 60-х годов университет

полностью перешел на позиции «Школы Анналов». Однако вскоре оказалось, что этот успех скорее напоминает пиррову победу. С 1969 г. преподавание истории в начальной школе почти прекратилось. Через десять лет попытка возродить в лицее тематическое (а не хронологическое) изучение истории привела в замешательство педагогов и родителей. В конце 60-х годов история в университете чуть было не превратилась в приложение общественных наук, в частности социологии, в которой в ту пору господствовали марксизм и структурализм.

И вот спустя еще двадцать лет произошло невиданное возрождение истории: шумная кампания в прессе, проведенная Аленом Деко, ставшим благодаря своим удачным выступлениям по телевидению учителем всей страны, вернула к жизни преподавание истории в начальной школе. Были исправлены ошибки некоторых реформ в средней школе. И наконец, на смену «экономической истории» пришла «история мысли». Возродив новаторские идеи Мишле, она подарила «Школе Анналов» вторую молодость. Более того, если вчерашние фавориты — общественные и гуманитарные науки — переживают кризис, то история, сумевшая найти хрупкое равновесие между традицией и современностью, обрела стабильность. Историки, еще вчера сидевшие в библиотеках и архивах, сегодня выступают по радио и телевидению. В обществе, которое, вступая в будущее, оглядывается назад, они прививают интерес к национальным корням и археологическому наследию. Эти знатоки прошлого по-прежнему несут просвещение в народ, осмысливают — порой в атмосфере «шума и ярости» — историю Франции, по-новому трактуя и оценивая прошлое своей страны и народа.

Деталь стеной росписи Сорбонны (Париж), выполненной Франсуа Фламенгом (1856—1923) и изображающей великих французских историков и политических деятелей XIX в. Слева направо: Э. Кине, А. Вильмен, Ф. Гизо, Ж. Мишле, В. Кузен, Э. Ренап.

древние и новые цивилизации

Перед нами два временных и исторических полюса: Индия, родина древнейшей цивилизации, и Соединенные Штаты, молодой континент «без прошлого», но с сильными пуританскими традициями. Между ними — множество других моделей. И лишь одна мысль, высказанная Фернаном Броделем, объединяет всех: «Бесконечный поиск национальной самобытности — вот цена существования народа».

Панорама Теночтитлана (будущего Мехико), древней столицы ацтекской империи. Начало XVI в.

ОТ ЭПОСА К НАУКЕ

КЛОД
МАРКОВИЦ

Каменные головы, относящиеся к позднему периоду государства династии Гуптов (V—VI вв.) из Акхнура, район Джамму (Джамму и Кашмир).

ЕСТЬ ли у Индии история? Этот вопрос не перестает волновать ученых, особенно когда речь заходит о длительном периоде от арийских нашествий до прихода мусульман в XII в. О времени, когда возникла и расцвела индийская цивилизация, мы узнаем из двух видов источников: с одной стороны, из текстов Вед и различных эпических произведений, с другой — из археологических документов.

Но соотносить эти два типа источников чрезвычайно трудно. Некоторые ученые решительно отрицают историческую ценность эпоса и утверждают, что в нем присутствуют лишь мифологические события, не имеющие ничего общего с реальностью. Доказательство тому они видят в расплывчатости географических понятий и крайней приблизительности датировки. Однако другая школа индийских ученых, опираясь на результаты некоторых недавних археологических раскопок, отстаивает историческую достоверность эпических событий.

По сути дела разногласия эти философского характера. Еще Гегель заявлял, что индийской цивилизации чужда история, подчеркивая, что времена, протекавшие до появления письменной истории, не имеют объективной истории, поскольку не оставили никакой субъективной истории, никакого исторического повествования. Он видел контраст между Индией, страной, по его мнению, обладающей глубочайшей духовной литературой, и Китаем, имеющим, как он считал, замечательную историю, восходящую к самому отдаленному прошлому.

Отсутствие в Древней Индии письменных исторических памятников — неоспоримый факт. За исключением Кашмирской хроники мы не знаем ни одного такого текста вплоть до мусульманского нашествия. В конце XII в. появляется придворная историография мусульманских владык. Самым известным представителем этой традиции на Деканском плоскогорье считается историк Феришта. Однако этот заимствованный жанр, требовавший к тому же знания языка фарси, широкого распространения не получил.

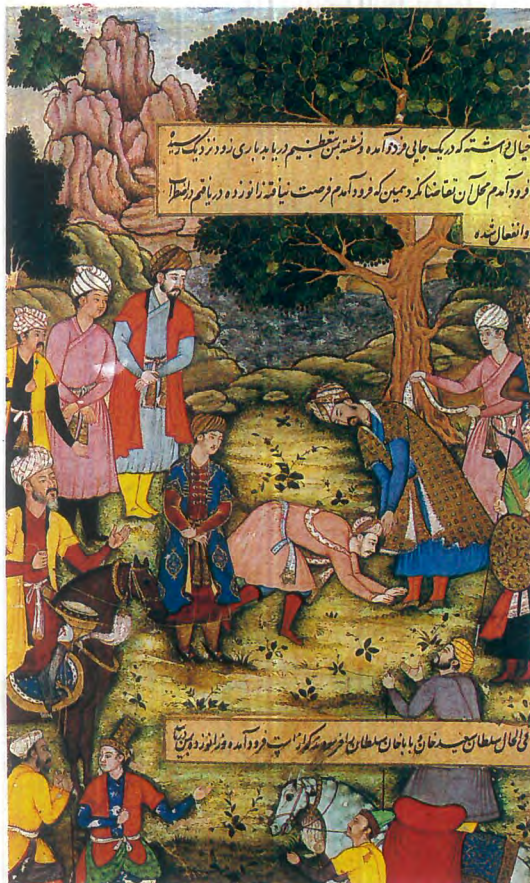
Исследователи индийской цивилизации

Появление научной историографии связано с завоеванием страны англичанами, начавшимся в 1757 г. и в основном завершено к 1818 г. Но и этот жанр был привнесён извне и использовался только колонизаторами, по крайней мере до 1830 г.

Иллюстрации к «Рамаяне», эпической поэме на санскрите, повествующей о подвигах Рамы. Мальвийская школа, XVII в.

Медная пластинка с брахмическими письменами, принадлежавшая королю Саланкайну Нандиварману II (IV в.) из Педда Веги (штат Андхра Прадеш).

Принц воздает почести Бабуру (1483—1530), первому царю Индии из династии Великих Моголов. Миниатюра конца XVI в.

Уильям Джонс (1746—1794), учредивший в 1784 г. в Калькутте Азиатское общество, разработал основы древнеиндийской хронологии. В его ассоциацию входили главным образом члены британской правящей элиты, а их интерес к Индии был не вполне бескорыстен: лучшее знание страны помогало управлять ею. В то же время, будучи сынами эпохи Просвещения, они не могли оставаться равнодушными к одной из величайших цивилизаций мира. Они искренне восхищались культурой Древней Индии, но все же считали ее ниже античной Греции, ставшей идеалом для европейцев того времени.

Самая жесткая критика индийской цивилизации была предпринята Джеймсом Миллем (1773—1836), философом-утилитаристом радикального направления (отцом Джона Стюарта Милля). Его труд «History of British India», 1817 («История Британской Индии»), ставший первой попыткой воссоздать прошлое страны, получил известность и оказал большое влияние на более поздних исследователей.

Высокопоставленный чиновник лондонской Ост-Индской компании, Милль ни разу не был в Индии и получал информацию из вторых рук. Презируя факты, он видел в истории отрасль философии и издевался над доверчивостью «востоковедов». Старинные индийские тексты? Да это сказки, не имеющие никакой исторической ценности (такая точка зрения и по сей день встречается у некоторых индологов). Индия до мусульманского завоевания? Однообразное чередование тиранов-варваров, власть которых опиралась на «самые чудовищные предрассудки и суверия». Мусульманский период? Незначительный шаг вперед по сравнению с темными веками индуизма. По-настоящему история Индии начинается с приходом европейцев, особенно англичан.

Милль ничего не сделал для исторического исследования Индии, но оказал влияние на целое поколение ученых. Введенное им деление индийской истории на три периода: древний (индусский), средневековый (мусульманский) и

КЛОД МАРКОВИЦ, французский ученый; руководитель отдела Национального центра научных исследований в Париже. Автор книги «Indian Business and Nationalist Policies, 1931—39» (Cambridge University Press, 1985).

современный (британский) — хотя и устарело, по-прежнему присутствует во всех учебниках. Кроме того, своими нападениями на востоковедов Милль способствовал созданию приоритетного направления исторических исследований, ограничив их современным ему моментом. В результате история предшествующих эпох стала достоянием узкого круга эрудитов.

Вот почему такие важнейшие открытия, как расшифровка Джеймсом Принсепом (1799—1840) брахмического письма в 1833 г., были встречены без особого энтузиазма. Возник разрыв между трудами востоковедов и историков, которых, поскольку сами они были англичане, интересовала в Индии главным образом жизнь своих соотечественников.

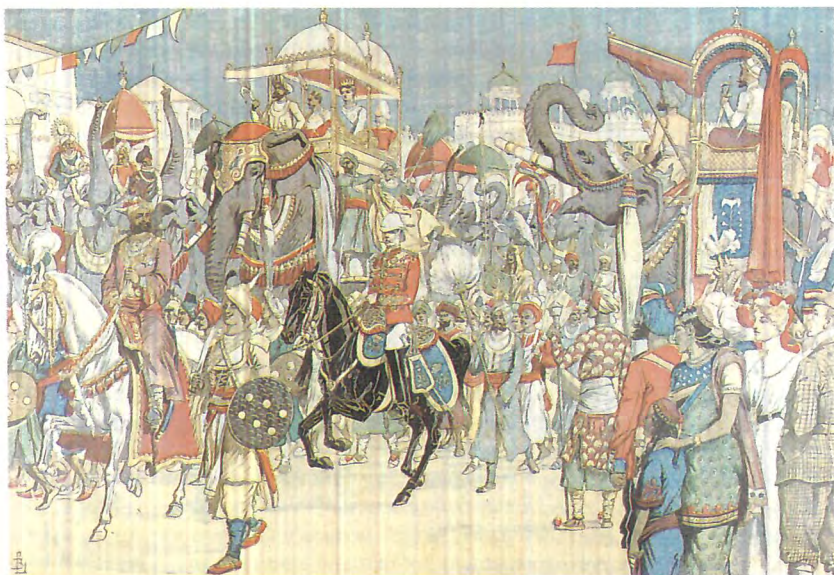
Но вот Маунтстюарт Эльфинстон (1799—1859) открывает новый этап в изучении индийской культуры, для которого характерны знание предмета и непредвзятое отношение к изучаемым ценностям. В своей книге «History of Hindu and Muhammedan India», 1841 («История индусской и магометанской Индии»), он представил вполне обоснованную хронологию (в общих чертах она признается правильной и сегодня), включив в обзор Южную Индию, которой до этого не уделяли должного внимания.

Пробуждение национального самосознания

Следующий период ознаменовался расцветом империалистической исторической школы и зарождением собственной индийской историографии. Первые национальные историки, такие, как Раджа Шивапрасад, автор написанной на хинди книги «Itihas Timir Nasak» (1866), служившей учебником в школах Северной Индии, были чрезвычайно строги к собственной стране.

Однако с 70-х годов прошлого столетия началось антизападное движение, которое было особенно активно в Махараштре. Представители индийской интеллигенции, публицисты и писатели, вдохновленные национальным подъемом в Европе, горько сожалели об отсутствии собственной историографии. Великий бенгальский писатель Банкимкандра Чаттерджи (1838—1894) прославил индусское прошлое Бенгалии на страницах своего исторического романа. Причем на отражении исторических событий не могла не сказаться проблема взаимоотношений между индусами и мусульманами.

Но подлинный расцвет индийской нацио-

Похороны Махатмы Ганди (1948).

нальной исторической школы начался в 1910 г. Все ее многочисленные представители были выходцами из университетов. Особый интерес к Древней Индии проявляли Х. С. Райчандхури, К. П. Джайасвал, Р. К. Мукерджи и Х. К. Оджа. Они попытались опровергнуть гегелевский тезис, уделяя особое внимание изучению развития политических институтов. И хотя их работы не всегда соответствовали требованиям современной историографии, они сыграли важную роль в пробуждении индийского национального самосознания.

Великий индийский историк Джадунат Саркар (1870—1958) прославился благодаря своим работам, посвященным последнему периоду государства Великих Моголов и Маратхским княжествам. Он отличался большой эрудицией и блестящим стилем. Его произведения популярны и по сей день.

Начиная с 60-х годов нашего столетия индийская историография сблизилась с другими общественными науками. Правда, в связи с этим в научных кругах периодически стали возникать серьезные разногласия, но все это только лишь раз доказывает жизнеспособность исторической науки в стране, которая собирается внести свой вклад в мировую историю. ■

Официальный кортеж во время торжественной встречи («дурбар») в Дели. Иллюстрация из французской газеты. 1903 г.

НИТИ
ВРЕМЕНИ

ДЕНИ ЛОМБАР

ПОНЯТИЕ «прометеевского», линейного времени, равномерно распределенного и имеющего направление, появилось на островах Малайского архипелага лишь с приходом ислама в XV—XVI вв. (по-малайски такое время обозначается термином арабского происхождения «waktu»).

Поэтому и сегодня в этом регионе распространены две совершенно разные концепции времени. С одной стороны, существует историческое время, принятое еще с XVII в. авторами некоторых научных трудов, посвященных датируемым событиям и истории мусульманского сообщества. Это однородное нейтральное время отмечено лишь религиозными мусульманскими праздниками. С другой стороны, есть и внеисторическое неподвижное время, где дни распределяются в соответствии с традиционной классификацией (такая концепция времени до сих пор бытует на островах Ява и Бали). Каждое мгновение этого времени обладает соб-

Храм в Бесакихе (Бали).

ственной плотностью, оно не нейтрально, причем его характер, знать который жизненно важно для любого человека, планирующего какое-либо серьезное дело, можно определить только путем сложнейших расчетов.

Эта двойственность очень существенна для понимания механизмов формирования понятия истории (sejarah). Проще говоря, первая концепция породила «hikayat», или малайские повести, а вторая — «babad», или яванские хроники.

Принципы колонимальной историографии

Голландские колонисты привнесли два положительных элемента в культуру этого региона: во-первых, идею направленного времени, которая укрепила концепцию времени, присутствующую в

«hikaayat»); во-вторых, стремление к систематическому изучению текстов. Однако их подход неизбежно базировался на евроцентризме. Произведение «Oud en Nieuw Oostindien» («Старая и новая Ост-Индия»), созданное в начале XVIII в. пастором Франсуа Валентином, знакомит читателей с историей архипелага и Азии, воспринятой автором сквозь призму батавских событий и достижений голландской Ост-Индской компании. Эта двойственность, в основе которой лежит «научное» уважение к тексту, с одной стороны, и неосознанный цинизм европейского колониста — с другой, постепенно становилась все заметнее.

В числе заслуг ученых-филологов того времени можно упомянуть анализ малайских, яванских, балийских, бугийских и других рукописей, а также расшифровку надписей на камнях и медных изделиях. В целом свидетельства индо-яванского прошлого вызывали широкий интерес.

Тем не менее большинство обзорных трудов того времени, особенно посвященных периоду индийского влияния и эпохе завоевания Батавии, пропитаны евроцентризмом. Главное место в них уделяется двум большим темам, ставшим впоследствии взаимодополняющими. Одна из них — значение индийского влияния, распространявшегося, правда, только на Яву и Бали, но в целом оказавшего благотворное воздействие и повлекшего за собой возникновение великого княжества Маджапахит на острове Ява (XIII—XV вв.), а также развитие классического искусства. Другая — важная роль Ост-Индской компании, которой приписывается заслуга объединения разрозненных островов архипелага в единой политической организм.

Значение прибрежных султанатов в XV—XVII вв. замалчивалось, а если и заходила речь об исламе, то только для того, чтобы обвинить его в пагубном влиянии.

Борьба за национальную независимость

Молодые патриоты пытались повернуть интеллектуальное оружие европейцев против них самих. Они довольно быстро осознали, насколько ценный подарок сделали им филологи, восстановив славное прошлое. Однако предстояло серьезно потрудиться, чтобы создать национальную историю, столь необходимую для образования независимого государства, о котором они мечтали. Далеко не все приняли саму идею общего исторического пути, да и сведения, которые можно было почерпнуть из голландских учебников, не всегда соответствовали их задаче.

Первые признаки национального самосознания появились в конце XIX в., главным образом на Яве. Ощущение культурного наследия особенно быстро проявилось у членов национальной просветительской организации «Буди Утомо» («Высшее стремление»), основанной в 1908 г. несколькими яванцами, жаждавшими возродить утраченные традиции. В 1911 г. Раджиман, уроженец Джокьякарты, активно принимавший участие в создании этого движения, выступая перед голландской аудиторией, заявил, что о европеизации яванцев не может быть и речи: «Если туземца оторвать от его прошлого, то он превратится в человека без корней, потерявшегося между двух цивилизаций».

Эти взгляды окончательно окрепли в 1935 г. в результате дискуссии, начатой Сутаном Такдиром

Алишахбаной, отвергавшим ностальгическое отношение к прошлому и считавшим, что нужно подражать Западу, дабы догнать его. Профессор Пурбачарака, уроженец Суракарты, один из первых овладевший филологическими методами, заимствованными у голландцев, напротив, энергично отстаивал значение прошлого: «Только когда мы будем знать свою историю с незапамятных времен, мы сможем действительно строить свое будущее».

Сануси Панае, уроженец Суматры, горячий приверженец яванской культуры (автор первой истории Индонезии, написанной в 1943—1945 гг.), пошел еще дальше. Критикуя Сутана Такдира за пристрастие ко всему новому, он восхвалял мудрость Арджуны, легендарного героя «Махабхараты», отдавшего предпочтение духовным ценностям, противопоставляя его европейцу Фаусту, который без колебаний продал свою душу за земные блага.

Среди мыслителей, наиболее остро ощущавших эту проблему, был яванец Суварди Сурьянингат, известный под именем Ки Хаджар Девантара (1889—1959). В 1929 г. он писал: «Мы живем как постояльцы в гостинице, как клиенты, которым незачем улучшать или обставлять дом, потому что они не чувствуют его своим». Подавленный пассивностью своих соотечественников, он

Флот Ост-Индской компании в бухте Батавия (ныне Джакарта), бывшей столице Голландской Индии. На переднем плане голландский купец с женой. Картина Элберта Кюйпа (1620—1691).

хотел вернуть им национальное достоинство и самосознание. Он не был враждебен к Западу, однако считал, что союз с ним возможен только в том случае, если индонезийцы сумеют утвердить свою культурную самобытность.

История времен правления Сукарно

Зная, какое значение придавали поборники национального самосознания культурной самобытности, остается лишь удивляться тому, что в годы правления Сукарно не было написано подлинно национальной истории. И хотя сам Сукарно любил повторять, что историю нельзя забывать ни при каких обстоятельствах, все попытки создать учебник неизменно наталкивались на многочисленные разногласия и ничем не заканчивались.

ДЕНИ ЛОМБАР,
французский историк;
работает в Высшей школе
социальных наук (Париж).
Специалист в области
исследования островной
части Юго-Восточной Азии,
один из редакторов
междисциплинарного
журнала «Archipel»,
автор книги «Le sultanat
d'Aceh» (Ecole française
d'Extrême-Orient, 1967)
и трехтомного исследова-
ния по истории
острова Ява, которое будет
опубликовано в этом году
издательством
Высшей школы
социальных наук.

Деталь барельефа из храма Прамбанан, одного из крупнейших и красивейших ансамблей центральной части острова Ява (конец IX — начало X в.)

В произведениях Мухаммеда Ямина, многие из которых кажутся написанными официальным историографом, поражает увлеченность автора яванской историей. Уже в 1945 г. он написал эссе, посвященное Гаджа Маду, главному министру короля Хайама Вурука (XIV в.), объединившему индонезийские земли вокруг Явы и ее тогдашнего центра Маджапахита. Ученый использовал данные эпиграфики и филологии, чтобы поддержать национальную гордость своих соплеменников и обосновать политические требования правительства.

Наряду с этими исследованиями нельзя не упомянуть и о массовой «героизации». Недавние жертвы произвола голландцев, а также те, кто когда-либо в прошлом оказывал сопротивление Ост-Индской компании, были реабилитированы и превращены в национальных героев. Их именами были названы многие улицы. Это движение наблюдалось и на Яве, и в других местах, причем каждый район прославлял своих земляков. Восстанавливались их биографии, а реальные или предполагаемые могилы становились объектами паломничества. В 1959 г. власти учредили официальный список национальных героев.

Наряду с этим потоком жизнеописаний воссоздавалась национальная история; ее авторы считались сторонниками прогрессивного направления. Казалось бы, от этих ученых, причислявших себя к марксистам, можно было ожидать развернутого и глубокого исторического анализа, первых набросков социальной истории. Однако ничего подобного не произошло. Книга «МАДИЛОГ» (акроним слов «материализм—диалектика—логика»), написанная Тан Малакой в 1942—1943 гг. вскоре после его возвращения из ссылки, больше похожа на утопию, нежели на анализ марксиста. Являясь первым опытом диалектического подхода к индонезийской истории, этот труд отличается довольно простой, если не сказать примитивной периодизацией.

Менее поэтичным, но более историчным получился содержащий точные ссылки на эпиграфику и яванские хроники учебник для школ коммунисти-

ческой партии, написанный в 1957 г. Д. Н. Айдитом и озаглавленный «Индонезийское общество и индонезийская революция». И тем не менее это снова всего лишь приукрашенная концепция истории, заимствованная на Западе. Вместо того чтобы стремиться к действительно глубокому анализу общества и оригинальному подходу к периодизации (подчеркнув, например, развитие торговли в султанатах в XVI—XVII вв. или развитие экономики плантаторского хозяйства в XIX в.), историки-марксисты утратили политическое чутье, увязнув в хронологии колониального периода и ограничившись простым переименованием его этапов.

История и Новый порядок

Новый порядок, провозглашенный президентом Сухарто, взял за основу исторические методы, разработанные на Западе. Вновь началась работа по реализации старого проекта. В ходе многочисленных семинаров постепенно был подготовлен шеститомный учебник, который вышел в свет в 1975 г. На семинаре, состоявшемся в Джокьякарте в августе 1970 г., была предложена следующая периодизация: доисторический период, период индийского влияния (XVI—XVIII вв.), XIX в., 1900—1942 гг., период после 1942 г. Каким бы спорным ни было такое разграничение, оно обладает несомненным достоинством: в национальную историю включены доисторический и протоисторический периоды, которые расцениваются как существенные этапы, предшествовавшие индийскому влиянию. Должное значение придается также XVI—XVIII вв. Их не рассматривают лишь с точки зрения колонизации архипелага, а уделяют большое внимание распространению ислама и образованию султанатов.

В индонезийской историографии начались крупные изменения. Появился интерес к региональной истории. Был проведен целый ряд семинаров, позволивших привлечь к сотрудничеству местных ученых и связать их с историками. Последние в свою очередь стали проявлять больший интерес к археологии, хотя эти две дисциплины все еще преподавались в университете раздельно. Знакомство с конкретными фактами умерило пыл любителей агиографии. Так постепенно обретала плоть и кровь сравнительная история Южной Азии, способствовавшая преодолению националистических предрассудков.

Кроме того, нужно отметить, что некоторые общественные институты, ранее этой наукой не интересовавшиеся, теперь все чаще используют исторический подход в своей деятельности. Это относится к армии, которая имеет военно-исторический отдел и собственный музей; церкви — протестантской и католической — и к исламским государственным институтам, начавшим подготовку истории Индонезии с мусульманской точки зрения. И хотя старая историография отнюдь не сдала позиций, все эти новые явления, отражающие принцип линейной истории, постепенно приближают нас к тому, что мы называем историческим временем. ■

ИСТОРИЯ ИЛИ СУДЬБА?

МИГЕЛЬ ЛЕОН-ПОРТИЛЬЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ мексиканцев о национальном характере и судьбе своего народа неразрывно связаны с извечным желанием сохранить память о важнейших событиях жизни общества. Еще с доколумбовых времен они изучают свою историю, стремясь спасти ее от забвения. Чтобы предсказывать будущее, древним жрецам-астрологам нужно было знать прошлое. Сотни археологических находок, относящихся к двухтысячелетнему периоду, предшествовавшему вторжению испанцев (1519), свидетельствуют о том, что мексиканцы всегда пытались записывать и объяснять события из жизни людей и богов. Обнаруженные в Монте-Альбанах стелы с изображением танцоров, с высеченными на них датами, географическими названиями, именами царей и знати представляют собой древнейшую из дошедших до нас хроник Нового Света (600—300 гг. до н. э.).

Две стелы с изображением танцоров, выполненные в стиле ольмеков около 4 в. до н. э., обнаружены в Монте-Альбанах (Мексика) на месте города, основанного в доколумбову эпоху.

Судьба народа, или, точнее, народов, сменявших друг друга на территории Мексики, была переменчива. Периоды подъема перемежались с кризисами и войнами, в которых гибли порой целые цивилизации. Память об этих событиях сохранили бесчисленные надписи на памятниках, а также передававшиеся из поколения в поколение мифы и легенды.

Описание трагического столкновения культур в эпоху доколумбовой Америки оставили некоторые очевидцы, участвовавшие в ее завоевании. Первый из них Эрнан Кортес, написавший в 1519—1526 гг. пять интереснейших писем («Cartas de Relación») Карлу V, затем хронист из свиты Кортеса Берналь Диас дель Кастильо (ок. 1492—1580), автор книги «Historia verdadera de la conquista de la Nueva España» («Подлинная история завоевания Новой Испании»). Сохранились также и свидетельства победенных. В Париже в

Национальной библиотеке хранится ацтекская рукопись на языке науатль, датируемая 1528 г., повествующая о страшной участи, постигшей индейцев:

«Все это происходило на наших глазах, мы были потрясены и страшились уготованной нам жалкой судьбы. Повсюду валялись сломанные копья, кругом были люди на конях. Наши дома стояли без крыш, их стены были красными от крови. Вода тоже казалась красной и оставляла во рту вкус горечи. Мы били кулаками по глиняным стенам, наше имущество было разорено. Мы хотели укрыться за своими щитами, но нет щита, способного заслонить нас в нашем одиночестве».

Начало новой истории

Этот рассказ о трагическом падении древней мексиканской столицы являет разительный контраст другому, не менее примечательному описанию города, сделанному Берналем Диасом дель Кастильо, увидевшим его глазами конкистадоров:

«Перед нами было три дороги, которые вели в Мехико... Горожане брали воду из Чапультепека... Все дома в этом городе, как и повсюду в этих краях, построены на воде и соединены с соседними подъемными мостами... Мы любовались восхитительной белизны храмами и святилищами, похожими на башни и крепости... На площади толпился народ... Среди нас было много солдат, повидавших Константинополь, Рим, всю Италию, и они говорили, что им еще не доводилось встречать такую большую и красивую площадь со столь великим множеством людей».

Оба эти описания, сделанные победителем и побежденными, свидетельствуют о былой славе и возвещают начало новой эпохи. Пытаясь определить национальные особенности мексиканцев, нельзя забывать об этом столкновении двух народов, не только

породившем вражду и раздоры, но и давшем начало новой смешанной культуре.

За три века в «Новой Испании» были написаны сотни хроник, авторы которых спешили рассказать о событиях, происходивших на их глазах. Самая значительная из них принадлежит жившему в XVI в. испанскому монаху-францисканцу Бернардино де Саагуну. С помощью индейцев (самые старшие из которых помнили еще испанское нашествие, а младшие были уже его учениками) он сумел собрать ценнейшую информацию о доколониальной эпохе. Некоторые хроники составляли и сами туземцы (такие, как Тесосомок и Чималпаин). Чтобы спасти свою историю от забвения, они записывали ее на языке ацтеков науатль или на языке юкатанских майя.

Постепенно вырисовывался национальный характер мексиканского народа, однако те, кто пытался его определить, сталкивались с множеством противоречий. Одни считали, что древнее наследие доколумбовой эпохи навсегда исчезло. Другие предсказывали грядущую славу «Новой Испании». А тем временем в страну прибывало все больше негров-рабов, испанцев, искателей приключений из других стран Старого Света, и все они смешивались с потомками ацтеков, ольмеков, майя, сапотеков и других индейских народов.

Утверждение национального самосознания

Постепенно на смену традиционной хронике пришла историография, которая должна была помочь мексиканцам глубже понять свою самобытность и использовать знания во имя будущего. Наиболее выдающимся образцом исследования нового типа явилась «Historia antigua de México» («История древней Мексики») монаха-иезуита Франсиско Ксавьера Клавихеро (1731—1787), которая пользовалась таким успехом, что ее перевели на несколько языков. Это была первая книга, посвященная истории мексиканской культуры до испанского завоевания. Автор подчеркивал важность древнего наследия как единственного средства, с помощью которого можно прикоснуться к своим истокам, дабы обрести силу перед лицом грядущих великих перемен.

Предвидение Клавихеро вскоре полностью оправдалось. В 1821 г. Мексика добилась независимости. Некоторые участники национально-освободительной борьбы писали о том значении, которое имела для них революция, повлекшая за собой глубокие политические, социальные, экономические и религиозные изменения.

Мексиканская историография, отражающая интересы различных кругов, полна противоречий. Либералы боролись за утверждение республиканских институтов, а тосковавшие о прошлом традиционалисты мечтали о монархии. Историки не только фиксировали все, что происходило с новой нацией, но и пытались решить стоящие перед ней проблемы и объяснить все ее трагедии.

В 1847—1848 гг., проиграв войну с США,

«Последователи Сапаты» (1931), картина мексиканского художника-монументалиста Хосе Клементе Ороско (1883—1949).

Мексика потеряла половину своей территории. Внутренние конфликты последующих лет родили необычайную мечту о новой империи. Это стало особенно очевидно после того, как разыгралась драма с участием французского ставленника императора Максимилиана I и главы республиканского правительства Бенито Хуареса, которого поддерживали народы Мексики. История этого периода, отдельные страницы которой написаны кровью, постоянно возвращает нас все к тем же мучительным вопросам: кто мы, откуда и куда идем?

Современная мексиканская историография

Последним потрясением в истории Мексики была революция 1910 г. Всем известны имена ее легендарных руководителей: Франсиско Мадеро, Эмилиано Сапата, Венустиано Карранса, Панчо Вилья... Самосознание мексиканцев окрепло, стало глубже понимание целей, что нашло свое отражение не только в политике, но и в изобразительном искусстве, литературе, музыке, истории и этнографии. Начиная с 20-х годов великие художники-монументалисты Ороско, Ривера и Сикейрос

«Прибытие Кортеса в Вера-Крус в 1519 г.», фрагмент настенной росписи Диего Риверы (1886—1957), иллюстрирующей покорение Нового Света испанцами. Национальный Дворец, Мехико.

МИГЕЛЬ ЛЕОН-ПОРТИЛЬЯ, посол и Постоянный Представитель Мексики в ЮНЕСКО. Почетный профессор Национального автономного университета в Мехико, автор многочисленных публикаций, посвященных культурам Мексики доколумбовой эпохи. Его труды переведены на многие языки мира.

черпали вдохновение в истории прошлого и настоящего. Новые поколения историков, социологов и этнографов, получивших прекрасное образование и высокую профессиональную подготовку, направили свои усилия на изучение вечной темы: национальная самобытность и судьба Мексики.

Сегодня специалисты по истории Мексики принадлежат к разным школам и идеологиям. Но даже если у них порой и проскальзывают националистические нотки, это нисколько не умаляет их профессиональных достоинств. Три важнейших периода в истории Мексики — ее доколумбовые истоки, культурная метисация и существование в качестве независимого государства — в настоящее время подвергаются глубокому исследованию. И хотя главные научные центры находятся в столице, работа ведется даже в самых отдаленных районах. Развитие историографии — часть общего процесса, ведущего к расширению сферы интересов, которые выходят за рамки чисто мексиканских проблем.

Сохранив мудрость своих индейских предков, современные мексиканцы прекрасно понимают, что только народ, способный задумываться над своим прошлым, сможет наполнить смыслом настоящее и стать творцом будущего.

ИСТИННОЕ ЛИЦО АМЕРИКИ

ОЛИВЬЕ ЦАНЦ

ЧАСТО говорят, что американцы живут так, словно их история написана заранее: будущее для них всего лишь возможность усовершенствования уже существующих институтов. Идея исключительности американского опыта стала отправной точкой формирования национального самосознания. Дэниел Вебстер, выступая в 1826 г. в Палате представителей, сказал: «Все значительные достижения европейцев во имя свободы и счастья человека; все изобретения европейского гения, обеспечивающие его благоденствие; блестящая и утонченная культура, которой наслаждается европейское общество, — все это является достоянием и американского народа. Более того, у него есть еще одно преимущество: реальная возможность создавать, исходя из свободных и простых принципов, определенные формы государственного управления, не уничтожая при этом общественные институты, возникшие в прежние времена, но существующие и по сей день благодаря интересам или предрассудкам определенных социальных групп, зорко охраняющих их от разрушения».

И сегодня американские ученые продолжают исследовать факторы, придающие истории их страны исключительный характер. В связи с этим ведутся бесконечные споры о роли единства и противостояния, иными словами, о том, что объединяет и что разделяет американцев.

Прогрессивные историки начала века стремились несколько «демократизировать» историю страны. Оспаривая традиционную американскую концепцию согласия, они делали упор на динамику внутренних конфликтов. Фредерик Джексон Тёрнер считал, что американский характер сформирован антагонизмом между восточным побережьем и западными районами страны; Артур М. Шлезингер полагал, что все дело в различиях между городом и деревней; по мнению же Чарльза Бирда, первопричину следует искать в противоречии между социальными классами.

Однако после второй мировой войны целое поколение ученых вновь вернулось к идее единства и согласия. Заново открывая для себя французского историка Алексиса Токвиля, автора книги «О демократии в Америке» (1835—1840), исследователи 50-х годов пытались определить, что же, собственно, объединяет американцев. Так, например, Луис Хартц, отвечая на знаме-

нитый вопрос немецкого экономиста и историка Вернера Зомбарта, почему в Соединенных Штатах нет социализма, подчеркивал отсутствие в стране противоречий, унаследованных от феодализма, слабую динамику классов новой нации и, как следствие, гибкость социальной системы, ее открытость и готовность к согласию.

Не удовлетворяясь лишь теоретическими выкладками своих предшественников, американские историки двух последних десятилетий занимались анализом максимального числа конкретных ситуаций. В связи с расширением поля деятельности исторической науки концепция национального характера на время утратила свое значение, поскольку новые предметы изучения (история семьи, трудовой деятельности, городская история) не требовали обобщения. Сегодня противопоставление «единение — конфликт» кажется чересчур простым. Рамки национальной истории оказались тесными для таких крупных проблем, как экономика работорговли, закономерности миграций и развитие промышленного капитализма. Но ключевые идеи не умирают так просто; претерпев некоторые изменения, концепция национального характера получила новую жизнь. Она построена на чисто американской логике. Какова же ее история?

Первые колонисты-пуритане оставили в американской истории неизгладимый след. Новая страна должна была явить Старому Свету пример более совершенного общества, избранного провидением, служить образцом для других наций. Именно так понимали они миссию американского народа. В связи с этим приходят на память знаменитые слова Джона Уинтропа,

Вверху: «Народный вердикт» (1855), картина Дж. К. Бингема (1811—1879), передающая атмосферу выборов в Америке в первые годы ее существования.

одного из основателей Новой Англии, сказанные им в 1630 г.: «Люди будут говорить о новых поселениях: дай Бог, чтобы они были такими же, как в Новой Англии; потому что мы словно город на холме — взоры всех обращены на нас».

Идеал религиозной пуританской общины, построенной на принципах автаркии и равенства и управляемой на основе коллективных решений, не удалось воплотить даже при жизни первого поколения переселенцев. Однако концепция «общины» осталась отправной точкой для всех последующих форм организации социальной жизни.

В колониальной Америке сосуществовали и порой сливались два особых идеологических и социальных универсума: мир пуритан и мир янки, стремившихся главным образом к завоеванию новых территорий. В Новой Англии поселки колонистов, в которых царил общинный дух, резко контрастировали с торговыми портами, где стремительное расслоение населения подрывало моральные устои. В приграничных районах всеми делами заправляла горстка предпринимателей (например, Джон Пинчон в Спрингфилде или семья Уиллардов в долине Мерримак), которые прежде всего заботились о расширении своих земельных наделов и сбыте товаров, а не о добропорядочности и выполнении христианских заповедей.

Что касается Юга страны, то здесь плантаторские хозяйства быстро вытеснили скромные фермы первых поселенцев. На место общинной идеологии водворилась республиканская, проникнутая идеями индивидуализма. Так, задолго до того, как во время Войны за независимость (1775—1783) пролилась кровь в Лексингтоне и Конкорде в штате Массачусетс, пуритане превратились в янки.

Революция и вызванная разрывом с Анг-

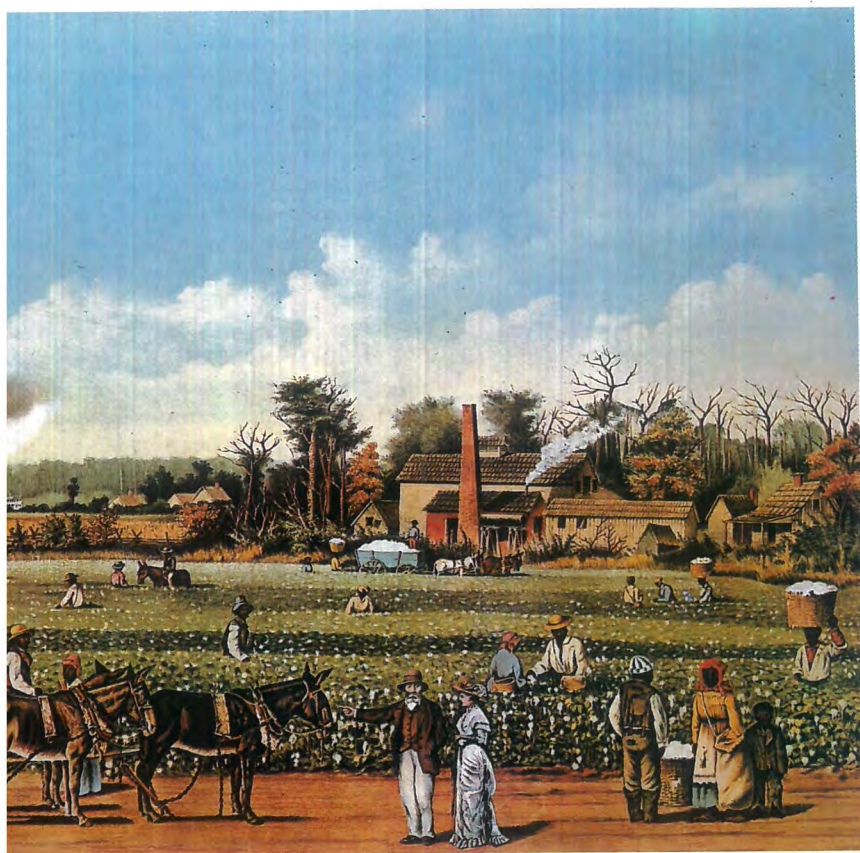
лий активизация духовной деятельности подтолкнули американцев к определению своего собственного политического «я», о чем свидетельствуют юридические и философские трактаты Джона Адамса и дебаты о Конституции. Отвергая британскую систему правления, они в то же время понимали, что могут опереться только на уже проявившую себя элиту. Главное новшество заключалось в том, что ставка делалась на выборных представителей — граждан, которых можно было подкупить, но которые должны были соблюдать определенные правила и при необходимости могли быть отозваны.

Добившись независимости, американцы продолжили процесс самоопределения: с одной стороны, расширяя свою территорию за пределы Аллеган (восточной части Аппалачского плато), с другой — развивая экономику внутренних районов страны, а не только Атлантического побережья. Томас Джефферсон хотел создать на Западе нацию независимых землевладельцев: «Если Господь и избрал какой-то народ, вложив в него истинную добродетель, то избранные Божьи — те, кто работает на земле».

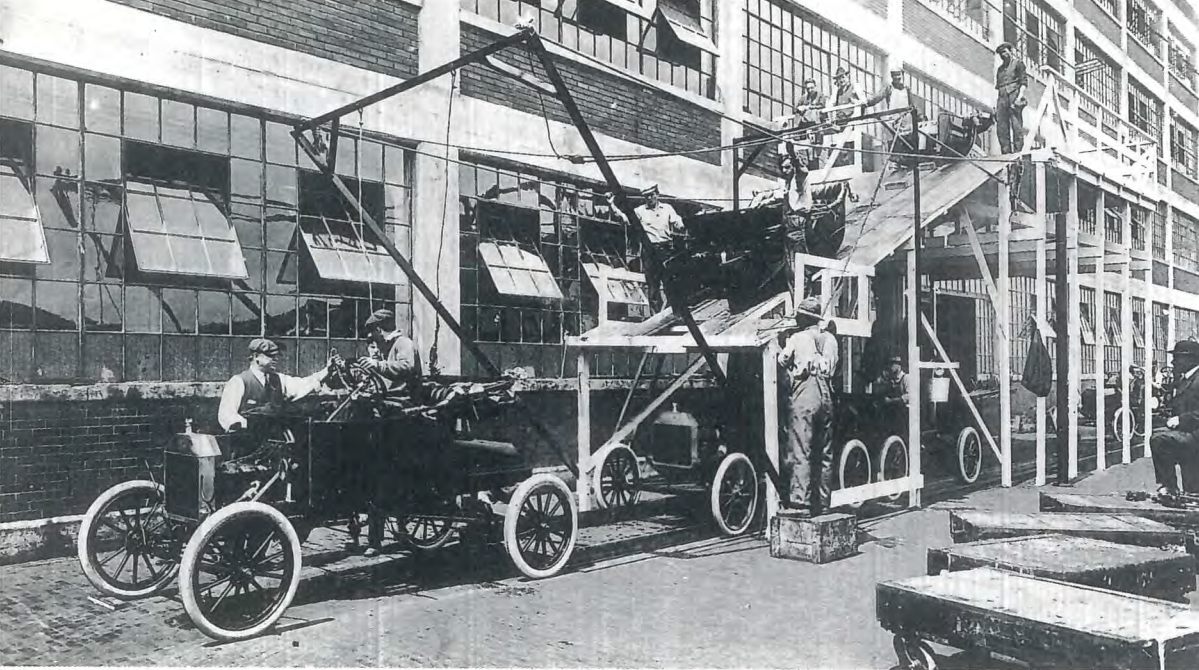
Эпоха, когда пионеры раздвигали границы страны, более всего способствовала формированию национального характера, в котором соединялась практичность и предприимчивость джексонского «простого человека» («common man») — на редкость изворотливого, мало расположенного к искусствам, но обладавшего ловкостью и сноровкой. Жители приграничных районов были порой неотесанными, но работающими людьми, трезво смотревшими на вещи. Их отличала устремленность в будущее и готовность поддержать друг друга. Качество жизни зависело здесь от выполнения обязательств перед общественными институтами. Это потря-

Внизу: Сбор хлопка на плантации у реки Миссисипи. Американская гравюра XIX в. с картины В. А. Уокера.

Обоз иммигрантов пересекает Скалистые горы, первая половина XIX в.

Один из первых сборочных конвейеров на автомобильном заводе Форда в Детройте (штат Мичиган), 1913 г.

сло Токвиля, который писал: «Собственно, и в Англии администрация мало что делает, все зависит от частных лиц; в Америке же администрация, если можно так выразиться, вообще ни во что не вмешивается, зато отдельные люди, объединившись, делают все». Так приграничная община отчасти унаследовала традиции и уклад своих пуританских предков.

Конец наивности

Что же представляли собой Соединенные Штаты в середине XIX в. — союз множества слабо связанных между собой общин либо нескольких крупных образований или все же однородную нацию?

Конфликт между Севером и Югом отражает самую суть спора о национальном характере. Сегодня историки уже не дискутируют по поводу неотвратимости гражданской войны. Они занялись исследованием общественной истории Юга и его культуры, чтобы разобраться в особенностях цивилизации, построенной на взаимоотношениях раба и хозяина, и в тех приемах, с помощью которых Юг поддерживал расовые различия вопреки всем принципам эгалитаризма. Конфликт между Севером и Югом рассматривается теперь не только в контексте борьбы за или против рабства, но и как отстаивание права на преемственность, поскольку и янки, и южане провозглашали себя наследниками республиканских идеалов.

Перестройка государства, превращение Америки в урбанистическую, индустриальную, бюрократизированную нацию, принимающую участие в мировой политике, вызвали новые споры. Стали говорить о конце американской наивности, об утрате исключительности национальной истории. Последующие социальные преобразования в годы кризиса 1929—1933 гг. расшатали идеологическое здание, но в то же время помогли переосмыслить, а в некоторых случаях даже укрепить структуру, в основе которой лежала концепция американской исключи-

тельности. Как можно было сохранить национальный характер в постоянно усложнявшемся и наращивавшем мощь обществе, где одновременно все больше обострялось неравенство?

Первые промышленники XIX в., такие, как Фрэнсис Лоуэлл, построивший ткацкие фабрики на водопадах реки Мерримак и нанимавший на них дочек фермеров Новой Англии, мечтали создать процветающее бесконфликтное индустриальное общество, где не было бы своего Манчестера. Однако к концу XIX в. крупная промышленность уже использовала неквалифицированную рабочую силу из числа европейских эмигрантов.

Что осталось от идеологии Лоуэлла в Питсбурге Карнеги или Детройте Форда? Страх перед коррупцией вызвал идеологический отпор городской пролетаризации со стороны протестантов. Жертвы нищеты воспринимались как угроза обществу. Города превратились в обширное поле деятельности для миссионеров. В этих условиях только открытое общество, позволяющее способным людям найти место под солнцем, преодолев языковой барьер и одержав верх над предрассудками, могло заменить недосяжимую мечту о безбедной жизни.

Образ Америки

Однако создать однородное общество из различных элементов оказалось непросто. Некоторые историки предлагали в качестве объединяющего фактора процветание, способное послужить основой для демократии. Другие считали залогом равновесия американского общества многочисленные возможности для продвижения по социальной лестнице. Третьи делали упор на предоставлении рабочим избирательного права. В то время как в Европе такое требование придавало политический характер борьбе пролетариата, в Америке оно лишило политическую борьбу взрывной силы и похорило классовое сознание. Некоторые полагают, что разнородность американцев никогда не представляла серьезной угрозы для социального

ОЛИВЬЕ ЦАНЦ, американский историк, преподаватель Вирджинского университета в Шарлоттвилле (США).

Автор книг "The Changing Face of Inequality: Issues in Black Literature and Criticism" и "Urbanization, Industrial Development and Immigrants in Detroit, 1880—1920" (University of Chicago Press, 1982), а также "Making America Corporate, 1870—1920", которая выйдет в свет в 1990 г.

равновесия, поскольку все жили в достатке; существует и такое мнение, что это равновесие сохранялось благодаря умению правящего класса снимать остроту конфликтов.

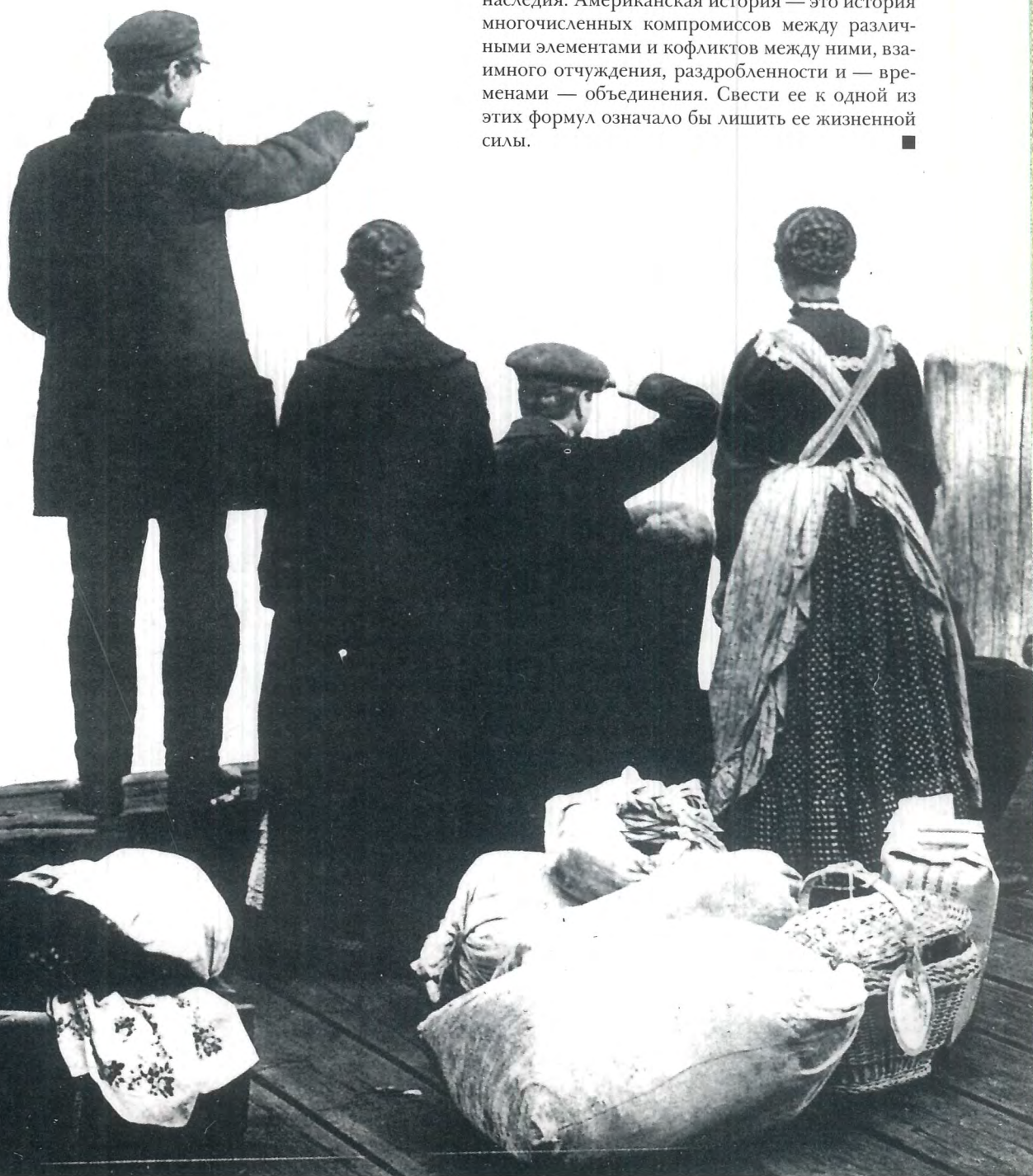
В середине XX в. американцы вновь открыли для себя чувство «общности». Иммиграционный контроль, введенный в 20-е годы, способствовал формированию более однородного общества. Идея страны как «плавильного тигля» нации, казалось, стала реальностью. Экономический подъем, начавшийся после второй мировой войны на фоне разрухи европейских стран и Японии, открыл дорогу экспансии США. Уровень процветания даже позволял интеллектуалам с уверенностью говорить об отмирании в стране идеологических противоречий. Разрозненные течения спланивались, придавая обществу новую мощь и единообразие; сторонники доктрины согласия вновь занялись исследованием национального характера.

Но история всегда оказывается сложнее,

чем можно судить о ней по иллюзорным подчас моментам единения нации. Интеллектуальный взрыв 60-х годов, война во Вьетнаме, утергейтский кризис, расширение понятия гражданских прав и свобод, пересмотр этнического наследия, борьба женщин за равноправие — одним словом, реалии жизни общества быстро размывали основы концепции единства.

В то же время идея национального характера сумела выдержать этот натиск, поскольку все политические баталии и социальные конфликты разгорались вокруг определенного образа Америки. Где же подлинная Америка, эмблемой которой является статуя Свободы с ее двойной символикой, провозглашающая республиканские свободы и национальное многообразие? Кто вправе считать ее историю своей? Те, кто задает этот вопрос, зачастую забывают, что само понятие единения подразумевает наличие разнородности. Оба эти понятия неразделимы. Все, кто внес свой вклад в формирование этой страны начиная с XVII в., имеют право на свою долю национального наследия. Американская история — это история многочисленных компромиссов между различными элементами и конфликтов между ними, взаимного отчуждения, раздробленности и — временами — объединения. Свести ее к одной из этих формул означало бы лишить ее жизненной силы. ■

На острове Эллис группа иммигрантов ожидает паром, который переправит их в Нью-Йорк, начало XX в.

всеобщая
история:
мечта
или
реальность?

Есть ли смысл в концепции всеобщего самосознания и всеобщей истории? Крупнейшие философы XIX в., сформулировавшие это понятие, так и не смогли развить его. Быть может, настало время ответить на вопрос: что является собой всемирная история?

ОТ ГЕГЕЛЯ ДО МАРКСА

СУДЬБЫ ДИАЛЕКТИКИ

ЭММАНУЭЛЬ ТЕРРЕ

Георг Вильгельм
Фридрих Гегель
(1770—1831)

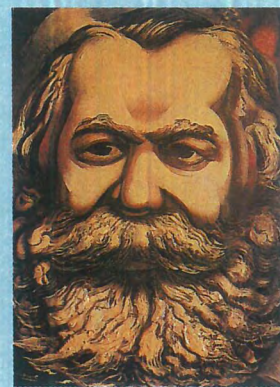
В конце XVIII в., когда Георг Вильгельм Фридрих Гегель впервые заявил о себе, философская мысль находилась под значительным влиянием Иммануила Канта. Он оставил ниву философии разделенной: граница пролегла между субъектом и объектом. Преодоление этого разрыва рассматривалось тогда в качестве основной задачи философии. Кроме того, субъект раздваивался на эмпирический индивид и трансцендентальное «Я», относящееся к формальным предпосылкам сознания, которые организуют научный опыт, а объект делился на «явление» и непознаваемую «вещь в себе». Что же касается человеческого поведения, то здесь наблюдается конфликт между понятиями необходимости и свободной воли, а с этической точки зрения — между принципами долга и счастья.

На каждом из названных уровней Кант выстраивает по два полярных понятия, по два элемента, между которыми, казалось бы, невозможно никакое единство, никакая гармония. Таким образом, философам последующих поколений предстояло восстановить утраченную гармонию и примирить противоположности, выделенные Кантом.

Метод Гегеля заключался в том, что он принял антиномию и антагонизм как внешние проявления существующей реальности и видел в восстановлении единства будущую необходимость. Он ввел понятие времени в отношения субъекта и объекта, разума и реальности. В результате они перестали рассматриваться как статичные, установленные раз и навсегда самой «природой вещей». К ним начали подходить с точки зрения развития, в ходе которого оба противоположных понятия взаимноменяются и взаимообразуются.

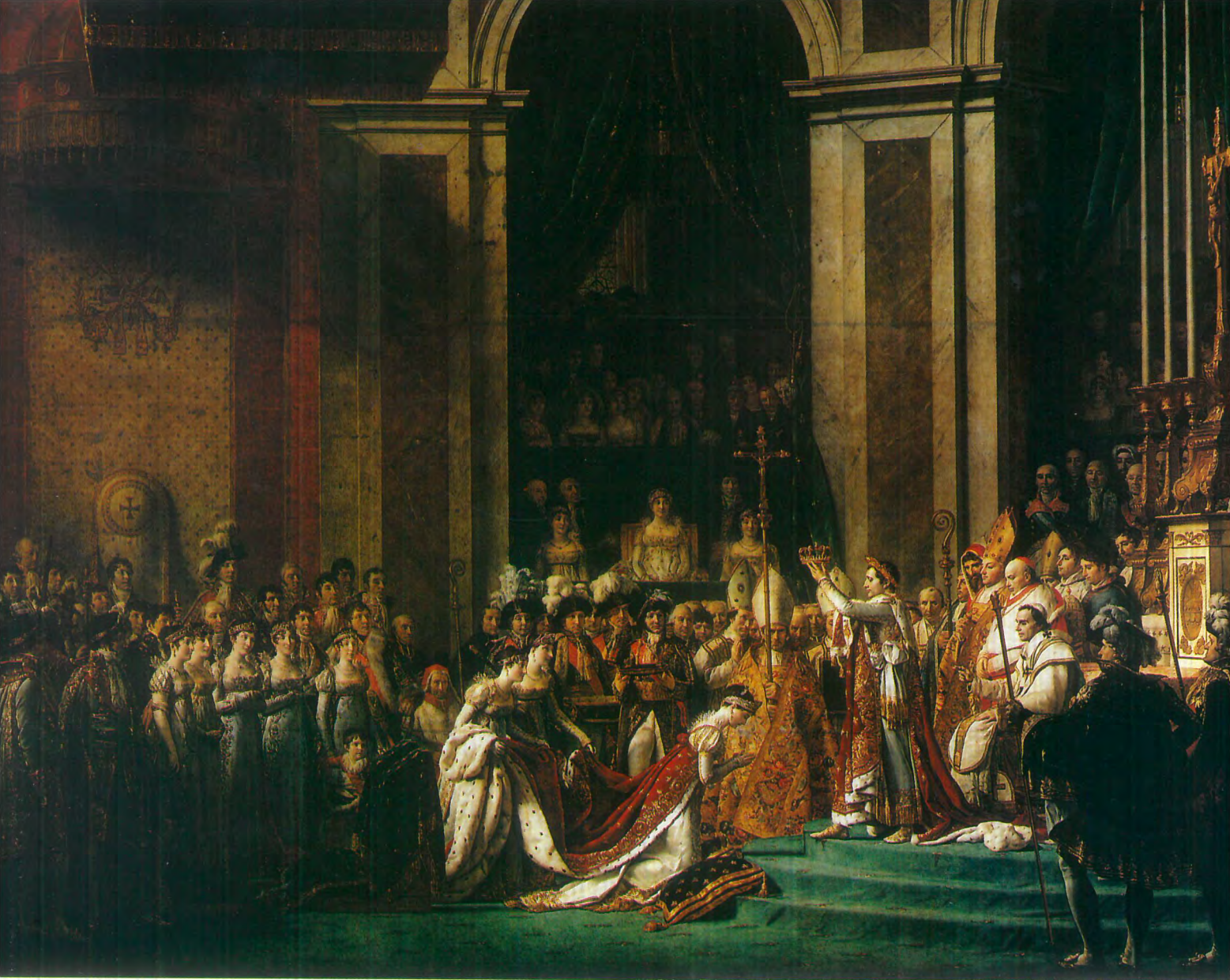
В целом описываемый Гегелем процесс включает в себя три основные стадии. На первой «абсолютная идея» раскрывает свое содержание в области чистой мысли, конкретизирующейся в восходящих категориях — бытие, ничто, становление, количество, качество, мера, — классификация и анализ которых составляют задачи логики.

На второй стадии «абсолютная идея» как бы отрицает самое себя, становясь вещью, действительностью, природой. Таким образом, природа есть не что иное, как материализовавшаяся идея, значит, она в принципе познаваема, однако как таковая она — «вещь в себе» — слепая, глухая и

Карл Маркс (1818—1883),
портрет работы
мексиканского художника
Давида Альфаро Сикейроса
(1896—1974).

«Человек познает
Вселенную с помощью
техники» (1934).
Деталь настенной росписи
(56 кв. м) Диего Риверы во
Дворце искусств, Мехико.

немая. Следовательно, «абсолютная идея» переходит в инобытие.

И наконец, на третьей, заключительной стадии «абсолютная идея» вновь возвращается к себе, не утрачивая при этом свой объективный характер. На этой стадии возникает понятие истории, которую можно представить как процесс самореализации «мирового духа» в объективном мире. Таким образом, развитие — это переход от абстрактного к конкретному, который осуществляется на основе выявления и разрешения противоречий. В предисловии к «Философии права» Гегель утверждает, что все реальное рационально и все рациональное реально.

Абсолютное знание — цель исторического развития

По Гегелю, каждый период истории соответствует одной из стадий выявленного им процесса, одной из фаз движения, в ходе которого «абсолютный дух» реализуется в объективном мире, подчиняя его своим законам. Таким образом, Гегель убеждает нас в целостности каждого исторического периода. Эта целостность разворачивается через «дух народа» (Volkgeist), то есть национальный дух, который, в свою очередь, является производным «мирового духа» (Weltgeist) на определенном

этапе его развития. «Дух народа» проявляется во всех институтах и видах деятельности, характерных для данного исторического периода: политике, религии, экономике, искусстве. Все они несут на себе его отпечаток. Поэтому любую эпоху можно представить как «выражение всеобщности», где все элементы, взаимно отражаясь, характеризуют единое целое.

Безусловно, исторические достижения каждого народа различны. На каждом этапе та или иная нация играет ведущую роль, подавая пример другим; она становится как бы эталоном, позволяющим судить, насколько уровень других народов отвечает требованиям исторического развития.

Вместе с тем любая из выявленных таким образом «всеобщностей» является временной, она непременно должна исчезнуть, уступить свое место другой. Это объясняется тем, что тайный механизм «мирового духа» ни на мгновение не прекращает свою подспудную работу. И пока «абсолютный дух» не полностью реализовал себя в объективном мире, пока существуют еще области естественной или общественной жизни, где царят хаос и смятение, он не знает покоя. Таким образом, он сам подрывает основы собственных построений, поскольку они, выполнив свою прогрессивную роль, могут впоследствии превратиться в препятствие на пути дальнейшего развития.

Движение, которое совершает «дух», постоянно отрицая собственные творения, осуществля-

«Коронация Наполеона I», картина Жака Луи Давида (1748—1825).

Справа: депутация от Силезии воздает почести королю Пруссии Фридриху II Великому (1741). Так представлял это событие немецкий художник Вильгельм Кампгаузен (1818—1885)

ется посредством мысли и деятельности людей, хотя они не осознают этого. Гегель называет это «хитростью мирового разума», позволяющей ему использовать для своих целей субъектов, которые убеждены в том, что действуют по собственной воле.

Построенная на этих принципах философия истории имеет ряд особенностей. Прежде всего это философия прогресса, поскольку она целенаправленна и движется к торжеству разума и духа (или, по Гегелю, к «абсолютному знанию»). Кроме того, это диалектическая философия: каждая ступень общественного развития носит преходящий характер, поскольку внутренние противоречия неизбежно ведут к кризису и переходу на новую ступень. И наконец, это философия необходимости, признающая единственную цель исторического индивида, будь то отдельная личность или целый народ: осуществление требований «мирового разума», соответствующих данному историческому моменту, без каких бы то ни было попыток обогнать это движение, остановить его или повернуть вспять. Великие люди (Александр Македонский, Цезарь, Наполеон) и великие народы (греки, римляне, пруссы) обязаны своей судьбой именно тому, что сумели почувствовать эти требования, взять их за основу и тем самым внести свой вклад в поступательное движение к торжеству «духа».

Наиболее спорным и сложным является у Гегеля понятие «абсолютного знания». Достижение его знаменует конец истории. Но что это — неясная перспектива, нечто вроде второго пришествия Христа, или речь идет о каких-то более конкретных близких сроках, которые должны уже сегодня служить ориентиром в деятельности людей? Похоже, у Гегеля не было однозначного ответа на этот вопрос. Он то восторгался империей Наполеона, то превозносил прусскую конституционную монархию, считая и ту и другую высшим достижением истории.

Именно отношение к «абсолютному знанию» обусловило размежевание в рядах последователей Гегеля. Одни из них, считая, что «абсолютный дух» уже завершил путь своего развития, становились консерваторами, ревностными хранителями установленного порядка. Другие без труда доказывали, что в реальной политической и социальной жизни «духу» по-прежнему противостоят хаос и насилие и, стало быть, историческое развитие продолжается. Это была позиция левых или младегегельянцев, ярчайшим представителем которых был молодой Маркс.

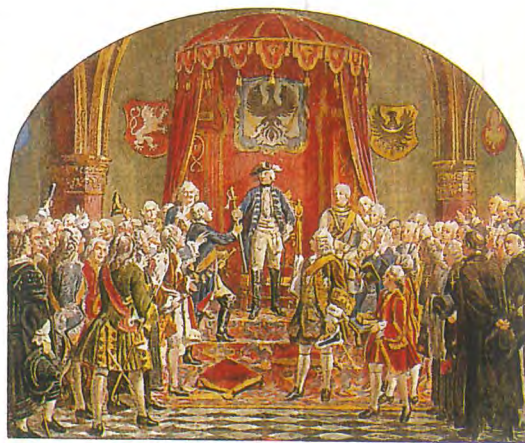
Маркс: от абсолютной идеи к классовой борьбе

Марксистское учение в значительной степени опирается на гегелевскую философию. Маркс взял у Гегеля основное — его диалектическую теорию, рассматривающую историю как целенаправленный процесс, имеющий начало и конечную цель. Движущая сила этого процесса овладевает объективной реальностью, подчиняя ее своим законам. Все происходит поэтапно, причем каждая новая ступень представляет собой шаг к достижению конечной цели. Однако то, что было прогрессивным вначале, впоследствии становится помехой развитию, которую необходимо устранить, дабы продолжить поступательное движение.

Единственное, что изменил Маркс в гегелевской схеме, — это природа силы, дающей импульс

движению вперед. Для Гегеля такой силой, как мы уже говорили, была энергия, имманентно присутствующая «абсолютной идее» и позволяющая ей постоянно выходить за свои рамки. За это Маркс обвинил Гегеля в идеализме, утверждая, что двигателем истории является не абстрактный динамизм идеи, а потребности, устремления и свободная воля отдельных индивидов и конкретных социальных групп (семей, наций, классов), которые составляют человечество.

Индивиды и группы имеют материальные потребности (они должны питаться, одеваться, иметь кров), которые можно удовлетворить лишь за счет естественных ресурсов. Таким образом, история — это прежде всего процесс, в ходе которого человечество покоряет природу в своих целях. Он охватывает одновременно и область знания (науку), и практику (технический прогресс), находя воплощение в развитии производительных сил. Именно в этом процессе человек познает окружающий мир и осознает свое место в нем.

Исходя из этого, Маркс, в отличие от Гегеля, утверждал, что не сознание людей определяет их бытие, а напротив, их общественное бытие определяет сознание.

Тем самым он противопоставил гегелевскому идеализму свой материализм. В философии истории это выразилось в утверждении основополагающей роли труда и экономики: они были объявлены определяющими, фундаментом всех общественных институтов, непосредственно влияющим на все явления общественной жизни, будь то политика, право, культура или религия.

Покоряя природу, люди должны объединиться; им нужна организация, чтобы, с одной стороны, наиболее эффективно использовать совместные усилия, а с другой — делить продукты труда. На начальном этапе труд является малопродуктивным и обеспечивает лишь существование сообществ, члены которых равны в своей бедности (Маркс называл это «первобытным коммунизмом»). Однако вскоре в результате повышения производительности труда появляется возможность получения небольшой массы избыточного продукта. Его еще слишком мало, чтобы хватало на всех, и потому начинается борьба за его присвоение. Так возникает классовая борьба: одна социальная группа завладевает средствами производства (будь то земля, знания или производительные силы) и в конечном счете присваивает себе право на полученные прибыли. Чтобы закрепить его за собой, она

15 МАЯ 1920 ГОДА

Советский первомайский плакат (1920).

«ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА»

РОБЕР БОННО

ЧЕГО мы ждем от всеобщей истории? Прежде всего определенного равновесия, чтобы не преувеличивалось значение западной цивилизации и предшествовавших ей культур — от триумфальной истории Древнего Египта до европейской belle époque. Говоря словами мыслителей XVIII в., мы хотим, чтобы она стала «историей всех народов мира», «историей человечества».

Это не должен быть перечень историй отдельных стран, назависимых друг от друга свидетельств. Необходимо сопоставление, выявление различий и общих черт. Тогда драма начнет развиваться по законам жанра, из мозаики сложится глобальный пейзаж, и все люди станут участниками захватывающего действия.

Однако и этого недостаточно. Может появиться главный герой — настолько значительный, что, несмотря на соблюдение пропорций и сохранение всех связей, спектакль в целом приобретет апологетическое звучание. Даже будучи сравнительной историей всех народов, всеобщая история может зачастую все же выделять некоторые из них, причем при всей детальной разработке и обширности контекста всегда представлять их в выгодном свете. Это компаративизм в духе Макса Вебера (1864—1920). Его великолепное исследование, охватывающее Индию, Китай и исламский мир, хоть и выполнено строгим и придирчивым судьей, все же проникнуто чувством безмерного превосходства западной культуры над всеми остальными.

Гипотезы

Подобно Копернику, вернувшему Землю на ее законное место среди других планет, Освальд Шпенглер (1880—1936) освободил историю от налета «западничества». Западная цивилизация, по его мнению, занимает подобающее ей место среди восьми человеческих культур. Подобно остальным (за исключением культуры майя, погибшей до срока) она переживает свой тысячелетний цикл развития (с 1000 г. по 2000 г.), подразделяющийся на 250-летние фазы. Каждой культуре суждено познать расцвет и закат. И в этом европейская цивилизация ничуть не отличается от остальных. Ее превосходство иллюзорно.

Равноценность культур, общность судеб, единый для всех закон развития — таковы основные черты шпенглеровской концепции. Однако связность всеобщей истории нарушается радикальным несходством замкнутых, как монады, культур, их самодостаточностью и оторванностью друг от друга (недаром же их восемь, а не одна). Этнические особенности разъединяют человечество; «дух народа» перекрывает «дух времени», затушевывает сходство и параллели, рождаемые той или иной исторической эпохой.

захватывает политическую власть и добивается идеологического господства.

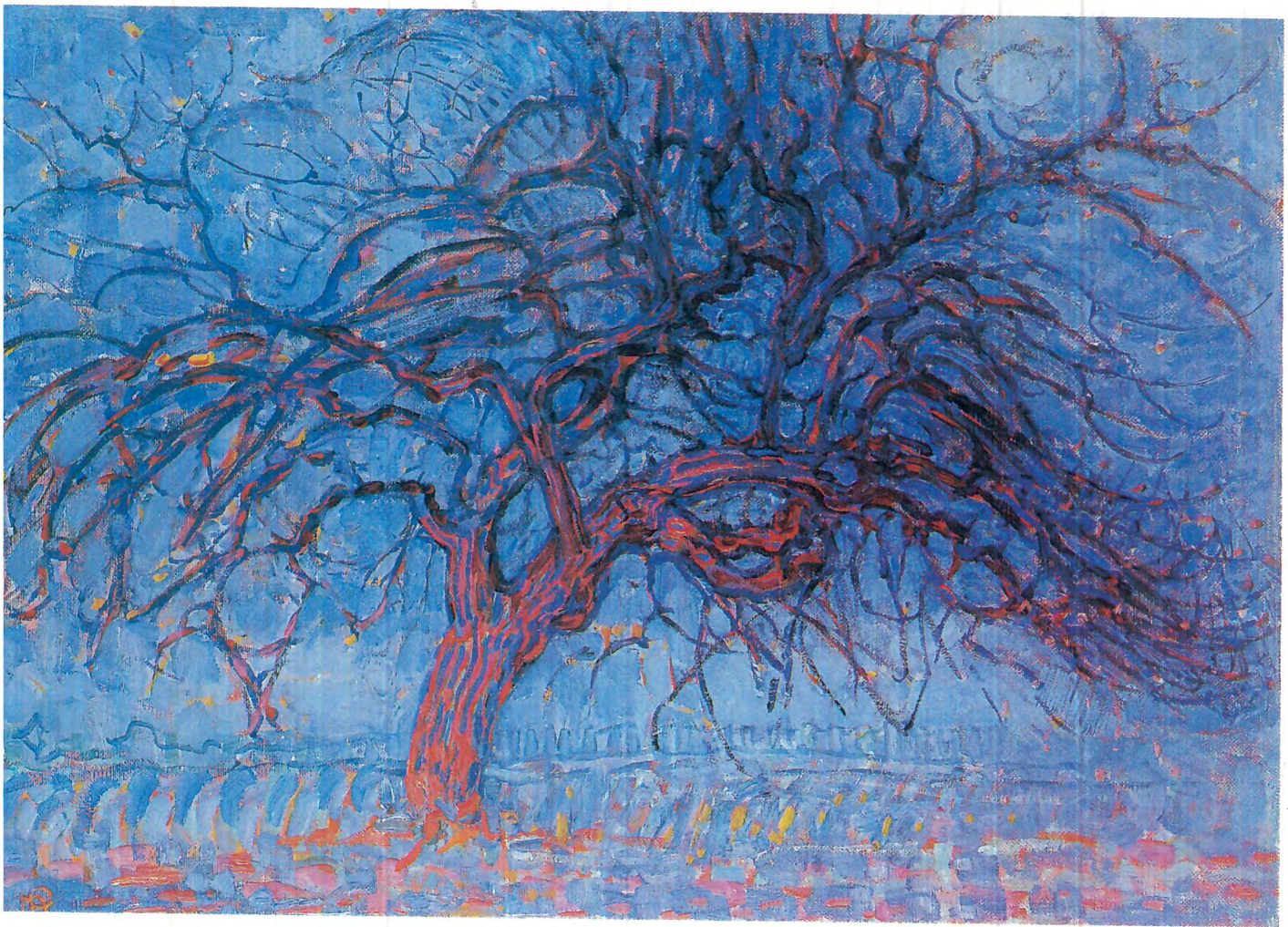
Естественно, каждому конкретному уровню развития техники и производительных сил соответствуют определенные формы организации труда и производственные отношения, которые в свою очередь, поддерживают политические надстройки и специфические формы сознания.

Постепенно классовый конфликт, а с ним и сами антагонистические группировки, видоизменяются: на смену рабам и рабовладельцам приходят феодалы и крепостные, которых сменяют буржуазия и пролетариат; но классовая борьба остается движущей силой на всех этапах исторического развития. В этом заключен основной смысл знаменитого тезиса «Манифеста Коммунистической партии»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Предлагая свою трактовку движущей силы истории, Маркс изменяет и характер необходимости. По Гегелю, она абстрактна, а следовательно, неподвластна воздействию внешних факторов. Утверждая, что движущей силой исторического развития является человеческая деятельность, Маркс невольно допускает возможность случайности. Коллективное действие предполагает наличие высокой сознательности и организованности, но в то же время не исключает ошибок и просчетов. Иначе говоря, развитие можно затормозить, остановить, направить по иному пути, а значит, будущее никоим образом нельзя предопределить заранее.

Теоретическое наследие Гегеля и опыт общественного развития оказали немалое воздействие на марксистскую мысль, заставив ее все-таки вернуть категории необходимости должное значение. Это заслуга Энгельса и теоретиков II и III Интернационала. В результате на смену свободной воле пришла неизбежность. История предстала чередованием способов производства, ведущим к бесклассовому обществу и коммунизму. И тем не менее можно с полным правом говорить о новаторстве и ценности учения Маркса в целом. ■

ЭММАНУЭЛЬ ТЕРРЕ, преподаватель Высшей школы социальных наук (Париж). Специалист в области этнографии стран Тропической Африки, автор книг «Lettres à la fugitive» (Odile Jacob, Paris 1988) и «La politique dans la caverne», которая выйдет в свет в 1990 г.

По Шпенглеру, эпохи родственные по духу, не синхронны. К 200 г. до н.э. клонящаяся к закату античная культура (существовавшая с 1000 г. до н. э. до рождения Христа) вдруг испытала взрыв религиозности; аналогичный феномен ученый отметил в Западной Европе около 1800 г. Это очень ценное сопоставление. Однако в «модели Шпенглера» есть свои противоречия и пропущенные звенья. Так, около 200 г. до н.э. античную средиземноморскую культуру так же, как индийскую, китайскую и доколумбову американскую, захлестнула волна религиозно-нравственного подъема. В 1800 г. религиозное обновление затронуло не только католиков и протестантов, но и православных, мусульман, индуистов и буддистов.

Арнольд Дж. Тойнби (1889—1975) усовершенствовал эту модель. Он обогатил ее теорией «жизненного порыва» («вызовов» и «ответов»), возможности которой еще далеко не полностью использованы социальными науками. Тойнби удалось освободиться от наиболее «декадентских» установок Шпенглера и культурного полицентризма, доведенного им почти до абсурда в работе «Закат Европы» (1918—1922).

В своем главном произведении двенадцатитомнике «Study of History», 1934—1961 («Исследование истории»), и других работах Тойнби стремится ввести в свою концепцию элементы поступательного развития, определяемого конвергенцией человеческих культур и оборачивающегося даже всемирным синхронизмом в поворотные моменты человеческой истории. Однако после войны характер его исследований изменяется — теоретик уступает место историку-практику. Тойнби все меньше интересуют обобщения, поэтому применительно ко всемирной истории говорить о «модели Тойнби» не совсем правильно.

Джузеппе Феррари — универсалист

Если взять модель всемирной истории, которая выявляла бы ее «общечеловеческую сущность», обнаруживала структурное и ритмическое единство «ноосферы» (область человеческого сознания) и позволяла видеть в любой эпохе непреходящие черты наряду с количественными и качественными изменениями, то ближе всего к ней стоит теория Джузеппе Феррари (1811—1876). Этот ученый, которого в Италии считают выдающимся мыслителем, но в то же время совершенно не знают во Франции, хотя он и прожил там двадцать лет, опубликовал две книги, сегодня почти совершенно забытые: «L'histoire de la raison d'Etat», 1860 («История государственных интересов»), где автор интуитивно подошел к идее синхронности мировых процессов, и «La Chine et l'Europe», 1867 («Китай и Европа»), где эта мысль получила дальнейшее развитие.

В этот период к аналогичным выводам пришли и другие авторы: Антуан Огюстен Курно в опубликованном в 1861 г. произведении «Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire» («Трактат о взаимосвязи основополагающих идей в науках и истории») говорит о необходимости сравнительного изучения, приводя в качестве аргумента «странные аналогии» и «совпадения», имеющиеся в китайской и европейской истории; Эрнест Ренан в своей книге «Vie de Jésus», 1863 («Жизнь Иисуса Христа») заключает, что «история полна удивительных синхронизмов, благодаря чему не связанные между собой, далекие друг от друга группы людей одновременно приходят к почти идентичным идеям»; об этом пишет и Эдвард Тайлор, квакер-этнограф, апостол общечеловеческого братства, отправившийся в 1855 г.

«Красное дерево» (1908—1910), картина голландского художника Пита Мондриана (1872—1944).

РОБЕР БОННО,
французский историк;
преподаватель истории
и теории
исторической науки в
Университете Париж-VII.
Принимал участие
в создании исторического
атласа («Atlas historique»),
выпущенного
Пьером Видаль-Наке
(Hachette, Paris 1986),
автор книги «Le système de
l'histoire» (Fayard, Paris
1989).

на поиски «соответствий» между народами мира. Да и сам Мишле, историк-пророк, к 1825—1826 г. утвердился в мысли о том, что, поскольку история мира — это «система», нужно изучать то, что в тот или иной период происходит с человечеством в целом, иными словами, пришел к идее создания «подлинной всеобщей истории» на базе изучения всемирных синхронных срезов. Разве не написал он в 1864 г. в «Bible de l'humanité» («Библия человечества»), что всеобщая история должна дать людям «ощущение общего прошлого», убедить их, что «человек во все времена мыслит, чувствовал и любил одинаково»?

В XX в. идеи Феррари встречаются в самых разных произведениях: в «Die Neuentstehende Welt», 1927 («Рождющийся мир») немецкого философа Германа Кайзерлинга современники представляют собой «взаимодополняющие частицы высшего единства», в «Vie de Vivekananda» Ромен Роллан рассматривает отдельные истории как «ветви одного дерева, которые одинаково реагируют на смену времен года». Идеи Феррари прослеживаются и у таких авторов, как Г. Уэллс («The Outline of History», 1920) или Пьер де Кубертен («Histoire universelle», 1926—1927). В труде Карла Ясперса «Vom Ursprung und Ziel der Geschichte», 1949, эти мысли дополняются понятием «осевого времени» (приблизительно 600—200 гг. до н.э.), когда благодаря беспрецедентному обновляющему творческому порыву в Евразии было заложено культурное будущее большей части человечества.

Идеи Феррари прослеживаются и в попытках создания сравнительной истории искусств (Эли Фор), философских систем (Поль Массон-Урсель), литератур (Рене Этьембль), в трудах многих крупных историков, как специалистов по общей истории, так и востоковедов, от Карла Поляни до Маршалла Ходжсона, от Лоуса Мамфорда до Яна Ромейна, от Гастона Рупнеля до Фернана Броделя, от Рене Груссе до Жозефа Нидэма, от Жана Филиоза до Жака Берка.

Именно идеи Феррари возникают перед исследователями, когда они с удивлением обнаруживают, что совершенно не похожие друг на друга культурные и геополитические ареалы движутся в одном направлении, подчиняясь единому ритму, одновременно переживая периоды подъема и застоя, и что, несмотря на различия форм и степени изменений, вкуче они дают средние показатели в масштабе всей планеты, по которым можно составить общие для всего человечества графики, вычислить переломные моменты ноосферы...

Препятствия

Тем не менее «модель Феррари», позволяющая систематически исследовать универсальные ритмы и поворотные моменты всемирной истории, не нашла еще широкого признания. Препятствий на пути ее применения множество. Одно из них — отставание западных исторических исследований по «незападным» народам. Другая, кстати, гораздо более серьезная помеха — «здоровый смысл», тот самый, который убеждает нас, что Солнце вращается вокруг Земли, что растения не имеют ничего общего с животными. Он допускает, что между событиями, развивающимися в разных точках нашей планеты, может быть сходство, но только при условии, что между ними есть контакт, взаимное влияние, «атмосфера», благоприятная для обмена информацией. Выходит, что только «глобальная деревня» и телевидение делают историю всеобщей.

Однако нужно признать, что задолго до появления современных средств массовой информации, до великих географических открытий XV—XVI вв. и зарожде-

ния мирового рынка общие количественные и качественные ритмы уже существовали. Их влияние проявляется, на мой взгляд, в трех сферах, составляющих исключительную принадлежность человека: в области преобразований (политических, технических, экономических, культурных), обновления и всевозможных открытий; и наконец, в том, что касается консолидации, стандартизации, экспансии и активности.

За тысячелетие, прошедшее с 1300 до 200 г. до н.э., стремление к обновлению и изобретательству особенно сильно развилось в странах Средиземноморья (у греков от Микенской культуры до римского завоевания), в Китае (от династии Чжоу до триумфа династии Цинь) и в Индии. Аналогичный порыв, который по привычке ассоциируется с «греческим чудом» и «осевым временем» истории, «осветившим» будущее, был примерно в то же время пережит и в доколумбовой Америке цивилизацией ольмекков. Современные ученые датируют этими же годами становление полинезийской цивилизации на островах Тихого океана. Это еще два синхронных «чуда». Тут-то и проявляется вся ценность временных сопоставлений и последовательных средних показателей.

Еще одно препятствие заключается в том, что, хотя история в общем охватывает весь мир, развитие ее идет неравномерно и зависит от особенностей конкретной ситуации. Движение положительных перемен в мире варьирует так же, как и сфера охвата синхронизмов. Доисторический период носит более общий характер, чем исторический, поскольку в те времена прогресс шел более равномерно (ученые имеют веские доказательства того, что неолит начался одновременно во многих местах).

Итак, можно выделить три главных исторических периода: антично-средневековый (с 3000 г. до н.э. до XV в.), новый (с XV по XX в.) и новейший, начавшийся примерно в годы первой мировой войны (1914—1918). Наименее общим является второй период (как раз в это время возник мировой рынок!), когда почти все важное и позитивное во всех трех сферах человеческой деятельности происходило в Западной Европе, Северной Америке и Японии.

Однако всемирные параллели и синхронизмы не исчезают, они просто становятся менее заметными. В Китае, совсем как на Западе, наиболее рационалистический период пришелся примерно на 1630—1800 гг. Английская революция XVII в., американская и французская революции в XVIII в. отнюдь не единичные явления, но от этого они не теряют своей исключительности. Вообще вся новая история носит очень «западный» характер: на протяжении четырех с половиной столетий самые значительные достижения мысли, самые заметные события как бы концентрировались в этой части света. И тем не менее этот период всемирной истории является исключением.

Наконец, последнее достаточно серьезное препятствие состоит в отсутствии теории. «Модель Феррари» была гениальна, но преждевременна. Без этих нескольких десятков элементов и образованного из них бесчисленного множества комбинаций невозможно наглядно показать новизну эпохи и ее относительную однородность, проследить одновременные коренные изменения в общечеловеческом прогрессе.

Похоже, что, несмотря на бесчисленные попытки, XX век не в силах создать предпосылки для подлинной всемирной истории. Чтобы заложить ее основы, совершенно необходимо признать реальность мировых ритмов, а для этого нужно отказаться от приоритетного изучения обособленных человеческих сообществ и открыть дверь всеобщей, всемирной реальности. ■

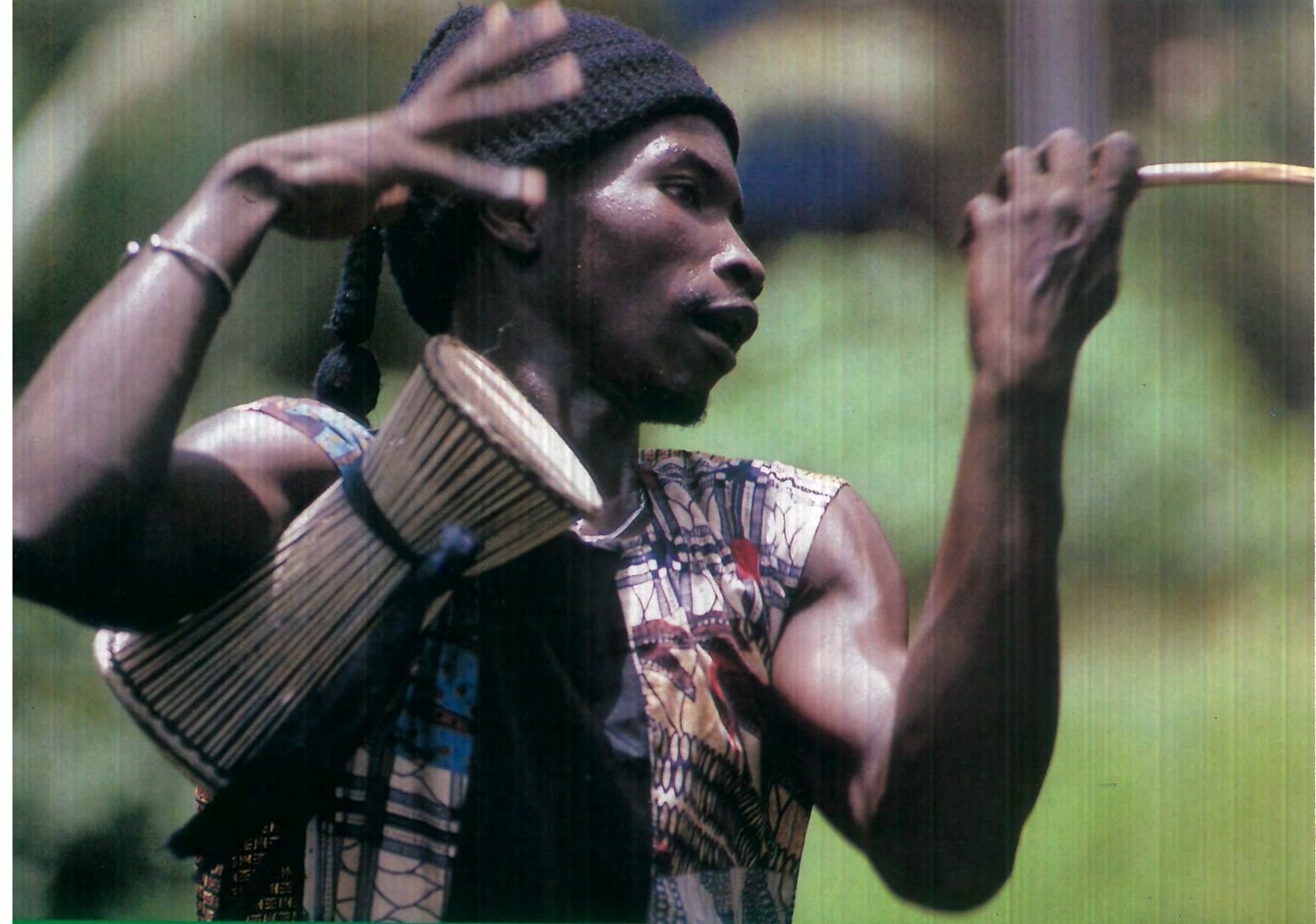
Сверху вниз:

Маска народности бауле, Кот-д'Ивуар. Полированное черное дерево.

Церемониальная трехцветная маска, культура Чанкай доколумбовой эпохи, центральная часть Перу. Обожженная глина, ок. 1100 г.

Галльская маска. Кованое железо, I в.

Бронзовый Будда, Таиланд, XV—XVI вв.

Д О К У М Е Н Т Ы

Известный буркинийский историк и писатель Жозеф Ки-Зербо, автор книги «Histoire de l'Afrique noire», 1978 г. («История черной Африки»), размышляет о важности устной традиции для воссоздания африканской истории. Данный отрывок взят из его предисловия к первому тому восьмитомника «Всеобщая история Африки», опубликованному в 1981 г. под эгидой ЮНЕСКО.

Из глубины веков

ЖОЗЕФ КИ-ЗЕРБО

ПОМИМО традиционных источников (письменных документов и археологических находок), история Африки основывается на устном предании, этом живом музее, который сохраняет для новых поколений социальные и культурные достижения народов, не имеющих письменных хроник. Устная история, как тонкая нить Ариадны, ведет нас по темным и запутанным лабиринтам времени. Хранители преданий — седые старики с осипшими головами и помутневшей от возраста памятью, строгие приверженцы устоявшихся правил (*старость обязывает*). А как же иначе — ведь перед нами живые «предки». Они похожи на островки, оставшиеся от прежде величественного и целостного материка, разрушенного и обезображенного безжалостными волнами новой эпохи. Это последние ископаемые!

Вверху: сенегальский гриот

Когда умирает один из стариков, уходит под воду еще одна частица суши. Устное предание — это кладь образов, оно окутано поэзией и сказкой, его трудно понять непосвященным, но оно доступно тем, кто владеет богатством народной традиции. При всей своей ценности письменный источник лишает повествование живости. Записанное на бумагу событие превращается в окостенелую мертвую схему. Устное же предание, наделенное плотью и кровью, вдыхает жизнь в остатки прошлого. Голос преобразует плоские очертания громоздящихся друг на друга букв, переносит их в пульсирующее трехмерное пространство. С каким теплом и благоговением передают гриоты Мали радость матери Сундиаты¹ по поводу неожиданного выздоровления сына. Но чтобы составить правильное представление о том или ином событии, необходимо отделить зерна фактов от плевел тех слов, которые служат лишь украшением речи, от тех фраз, которые заглушают голос далеких времен.

Весомое слово

Обычно говорят, что устное предание небеспристрастно, а потому не внушает доверия. Но ведь любое сообщение имеет субъективный оттенок, даже архивные документы, эти пассивные свидетели прош-

лого, под внешней нейтральностью и объективностью скрывают бесчисленное множество недомолвок и ошибок. Конечно, эпическая традиция является полумифическим воссозданием прошлого, в своем роде психологической драмой, показывающей человечеству его корни и систему ценностей, лежащую в основе формирования личности; она обладает магическим свойством: дает нам возможность плыть вспять по реке времени, в царство предков. Этим-то эпос и отличается от исторического сообщения; он шире охватывает временное пространство, проецируя события вперед и в прошлое, не считаясь с истинным временем. Но разве письменные источники не поражают нас подобными временными сбивками? Здесь, как и повсюду, следует искать самородок истины, пробный камень, позволяющий отличить настоящий металл от пустой породы.

Своего рода ахиллесовой пятой эпического сказания является его хронологическая ненадежность: нарушенная временная последовательность делает образ прошлого не ясным, как в зеркале, а смутным и ускользающим, подобно отражению в бегущем потоке. Поэтому, например, необхо-

димо с большой осторожностью пользоваться методом экстраполяции в прошлое средних величин, относящихся к продолжительности царствования монархов и жизни поколений более поздних периодов, поскольку за это время могло произойти множество перемен, в том числе и демографических. Иной раз в образе одного выдающегося правителя воплощаются подвиги и свершения не только его самого, но и его предшественников и последователей. Так произошло в Руанде, где гриоты приписывают повелителю Да Монзону, королю Сегу, жившему в начале XIX в., все завоевания этого королевства.

Есть у устного рассказа одна особенность: вне своей естественной среды он умирает, как выброшенная на берег рыба. Подобно африканской ритуальной маске, отнятой у почитателей культа и выставленной на обозрение любопытствующих и непосвященных, он лишается смысла и жизни. Но устное предание передается из поколения в поколение, при этом меняются запросы и вкусы аудитории, что не может не влиять на форму и содержание повествования. Более того, сегодня нередки такие платные горе-рассказчики, которые вставляют в устный эпос куски из письменных источников, преподносят их слушателям как нечто первозданное.

Смысл народного сказания подчас скрыт или неясен. Для африканца слово всегда весомо и осязаемо; оно сродни таин-

1. Основатель империи Мали в XIII в., Сундиата — один из самых популярных героев африканской истории. — *Прим. ред.*

ствуют, как обнаружил Д. П. Абрахам, записям португальских путешественников того времени.

Сердцевина исторической реальности

Можно сделать вывод, что устная традиция, будь то поэзия или проза, имеет историческую значимость по трем причинам. Во-первых, в ее архетипах заложены идеи и ценности, которые определяют поведение человека в настоящем и будущем. Таким образом, предание не только рассказывает о прошлом, но и создает будущее. Когда Да Монзон наделяется титулом «повелителя вод и повелителя людей», это означает, что власть его абсолютна. Но тут же говорится, что он постоянно советовался со своими воинами, со своими гриотами и женами. Знаменитая строка из «Песни лука», сложенной во славу Сундиаты: «Лучше смерть, чем позор» — подсказывает нам, что честь и репутация были в XIII в. важнейшими ценностями у народа малинке. Та же мысль прекрасно выражена в истории борьбы Бакари Диана против Фулани из Коурнари. В гневе вернулся храбрый Бакари Диан в родную деревню Донгоронго, но народ пришел просить его вернуться и встать во главе армии Сегу. Так и не уступил бы он мольбам, если бы не услышал слова о гордости и славе: «Забудь прежние обиды. Пришло время подумать о своем имени. Если ты родился, вырос и умер без имени, то зачем ты пришел в этот мир и что ты оставил в нем после себя?» И воскликнул Бакари Диан: «О гриоты Сегу, как я могу отказать вам, если вы здесь. Я сделаю то, что вы хотите, для своей славы. Не ради Да Монзона, не ради кого другого в Сегу — я сделаю это во славу моего доб-

рого имени. Даже если я умру, слава укрепит его». Влияние цивилизации и законности чувствуется и в словах Силамаки: «Тебе повезло, что мне запрещено убивать гонцов».

Во-вторых, устная традиция включает в себя описание фактов и предметов. Воссоздание прошлого основывается не только на воображении. Отрывки из воспоминаний, эти нити истории, куда прозаичнее, чем полеты эпической фантазии: «Так возник коллективный выпас стад в городах народа бамбара. Если тебя выбрали в пастухи, ты становишься общественным фула. Общественные фулани пасли стада короля. Они были людьми разных национальностей, их главой был пастух, называвшийся *бонке*. А вот еще: «В те времена люди носили не туфли, а кожаные *самара* из выделанной бычьей шкуры с ремешками вокруг большого пальца и пятки».

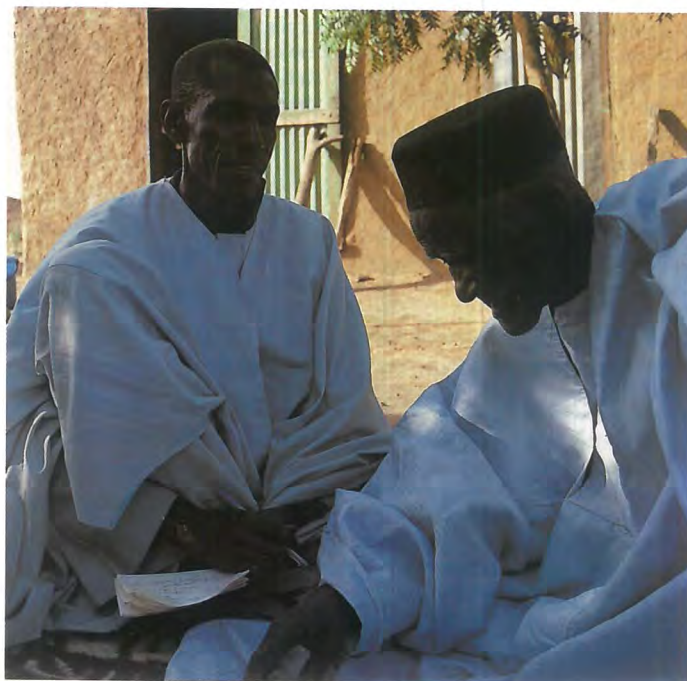
В эпосе встречается множество упоминаний о различных предметах и технических приемах, дополняющих общую картину. «Да Монзон послал за своими 60 гребцами из Сомоно, тридцать сели на нос, а тридцать — на корму. Лодка была богато украшена». «Лестницы были уже готовы и поставлены к стенам. Пехотинцы армии Сегу штурмом проникли в город... Всадники Сегу стреляли горящими стрелами. Пламя охватило дома». Влюбленная в Да Монзона Саран налила воды в порох, принадлежавший воину армии Коре... Историк может добраться до сердцевины исторической реальности только путем тщательного анализа, иной раз даже психоанализа, исследования душевного настроя рассказчика и его аудитории.

Существование различных версий одного сказания — например, у гриотов, находящихся под патронажем разных покровителей (*hohon, dyatigui*), — не препятствует, а помогает историко-критичес-

твенной силе, то созидающей, то разрушительной, вредоносной. Поэтому в устных преданиях так много эвфемизмов, иносказательных образов, поговорок и намеков, мало понятных человеку, не обладающему мудростью жизни. В Африке слова слишком важны, чтобы тратить их попусту, поэтому чем выше положение человека в обществе, тем реже он высказывается на людях. Однако, если человеку говорят: «Ты съел жабу, но выплюнул ее голову», он сразу понимает, что его обвиняют в увиливании от ответственности. Герметизм этой полуречи демонстрирует и высокую ценность устной традиции и ее ограниченность. Невозможно передать все ее богатство на другом языке, особенно если речь идет о совершенно иной в структурном и социальном отношении среде. Предания плохо поддаются переводу. Лишенное естественного окружения, оно теряет силу и подлинность, ибо язык — это «обитель бытия». Множество ошибок, которые приписывают устным преданиям, возникли благодаря некомпетентным и бесцеремонным интерпретаторам.

Как бы там ни было, но устные предания неоднократно доказывали свою достоверность, что подтверждается их соотношением с письменными документами и археологическими находками, обнаруженными, например, в местечке Коумби-Сале или на озере Кисале. Или еще: события XVI в., рассказанные в эпосе народа шона, соответ-

Справа: историк расспрашивает старого вождя племени в Мали. Вверху: деревенские музыканты, Кот-д'Ивуар. Трое играют на балафоне — африканском ксилофоне, сделанном из тонких пластин твердого дерева, уложенных поперек резонаторов из выдолбленных тыкв.

кому анализу. Там, где версии совпадают, как, например, у гриотов, говоривших на языках бамбара и фула и принадлежавших к разным лагерям, достоверность описываемых событий можно считать подтвержденной. В силу неодинаковости своего происхождения устные предания содержат элементы внутренней цензуры, что особенно ярко проявляется в эпосе народа гур, у которого либеральная интегрированная эзотерическая традиция, передаваемая по восходящей линии, соседствует с олигархической, детальной эзотерической традицией, свойственной тайному обществу. Но не частная собственность, а общественный фонд обеспечивает жизнь разным группам населения.

Весьма важным для критического разбора подобных хроник является глубокое знание жанра, тем и методов изложения, шифров и стереотипов, устойчивых выражений и традиционных отступлений, эволюции языка, а также аудитории и ее запросов. Историк должен знать, к какой касте принадлежит рассказчик, как он был воспитан, каковы обычаи этой касты и идеалы и какие школы в ней существуют. Известно, что в Мали и Гвинее в Кейли, Кита, Ньягассоле, Ньяни и других местах уже несколько веков существуют школы инициации.

Язык музыки

Эта формализованная, жесткая традиция облекается порой в более гибкие структуры благодаря музыкальному сопровождению. В этом и состоит третья причина ценности устной истории. Так, предания, посвященные жизни повелителей, обычно исполнялись под музыку, которая органически вписывалась в повествование, подчеркивая ее дидактические и художественные элементы. Некоторые инструменты, например *ссоко балла*, сами имеют долгую историю, заслуживающую внимания археологов. Инструмент и музыка, песня и танец образуют настолько гармоничное единство, что любые поздние искажения и вкрапления сразу же заметны.

Африканские музыкальные инструменты: арфы-лютни, цитра (вверху в середине) и барабаны.

Всякому жанру соответствует свой инструмент, причем в каждой области они свои: например, ксилофон (*балла*) или большая арфа-лютня (*болон*) сопровождали исполнение эпоса в Мали; сделанный из тыквы большой барабан (*беидре*), по которому били ладонями, сопровождал восхваление (часто бессловесное) имени правителя (*завюйя*) народа мосси; лютня-цитра (*мвет*) служила для сопровождения тропического эпоса поэтов-музыкантов народа фанг. Эти инструменты, создающие фон устной истории, являются священными объектами поклонения. Они — неотъемлемая часть самого исполнителя, их значение огромно, ведь язык, на котором исполняются предания, относится к разряду тональных, и потому музыка обретает значение слова. Инструмент становится голосом исполнителя, даже если он ничего не производит. Тройной ритм — тон, интенсивность и продолжительность звука — наполняет музыку содержанием или, по выражению Марселя Жуса, «семантическим мелодизмом». Музыка — настолько важная часть устной традиции, что есть сказания, которые исполняются как песня. Не утратила своей злободневности и народная песня, подчас острая, сатирическая, воплощающая здоровые силы народа. Она сохраняет свою жизненность и сегодня. Жанр этот весьма ценен, поскольку он дополняет официальные источники, делает картину более объективной.

Все, что сказано о музыке, в равной мере относится и к другим формам художественного выражения, например к изобразительному искусству. На барельефах королевств Абомей и Бенин, в скульптурах народности куба мы находим изображения исторических личностей, событий и целых культур.

В заключение можно сказать, что устное предание — это не второстепенный источник сведений, к которому прибегают только тогда, когда нет других достойных внимания свидетельств. Устное предание интересно само по себе, оно обладает собственной методологией и раскрывает всю неповторимость истории народов, населяющих Африку. ■

Ароматы оперы

Публика, собравшаяся в одном из лондонских театров на новую постановку оперы Сергея Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», имела возможность не только увидеть артистов и услышать их пение, но и почувствовать аромат центральных сцен. В опере рассказывается история принца, чья любовь к превращенной в апельсин принцессе побеждает злые чары. В руках зрителей были ароматизированные пластинки, потеряв которые в нужный момент можно было ощутить запахи цветущих апельсиновых деревьев, сероводорода (когда на сцене появляются злые волшебники), гнилого мяса (сцена на кухне) и экзотическое благоухание в финале.

Здоровые зубы и уровень благосостояния

По данным ВОЗ, рост потребления консервов, полуфабрикатов и других видов малопитательных продуктов, а также рафинированного сахара в последние 30 лет привел в развивающихся странах к заметному увеличению стоматологических заболеваний. Счастливым исключением оказался Китай, где у детей самые здоровые зубы по шкале ВОЗ, учитывающей количество кариозных, запломбированных и удаленных зубов у двенадцатилетних подростков. В промышленно развитых странах, как сообщается в отчете ВОЗ «О направлениях в зубоврачебной практике», в результате гигиенических и профилактических мероприятий (лечение фтором)

достигнуты заметные успехи. Особенно выделяются в этом отношении Финляндия и Австрия, за ними идут США и Швеция.

Открыт новый ген

По сообщению английского научного журнала «Nature», ученые впервые выявили ген, играющий главную роль в деятельности головного мозга. Наряду с другими генами он регулирует выработку клетками головного мозга протеина, называемого глутаматовым рецептором, который является определяющим в клеточном обмене. Ученые надеются, что в результате изучения глутаматовых рецепторов можно будет получить лекарства, необходимые для лечения повреждений головного мозга при ушибах, припадках и черепных травмах, а также расстройств памяти.

Первооснова великих эпосов

Возможно, в основе «Одиссеи» Гомера, арабских сказок «Тысяча и одна ночь» и шумерского и аккадского эпоса о Гильгамеше лежит один и тот же утраченный устный источник. В своей недавно выпущенной книге¹ Стефани Дэлли указывает на сходство основных тем этих произведений и высказывает предположение, что Одиссей, Гильгамеш и Синдбад — модификации одного и того же героя. Развитие и взаимообогащение эпосов могло произойти по мере того, как традиционные сюжеты приобретали различную национальную окраску.

1. «Myths from Mesopotamia» (Oxford University Press, 1989).

Сохранить падающую башню

Отныне Пизанская башня закрыта для посетителей. Здесь будут проводиться работы по ее укреплению. Предполагается сохранить при этом ее наклонное положение. Возведение башни из белого мрамора весом 14 тыс. тонн было начато в 1174 г. Она достигает высоты восьмизэтажного дома, не считая колокольни, сооруженной в 1350 г. Сейчас башня отклонена от вертикали на 5 м и ежегодно «падает» на 1 мм.

Ваше здоровье в ваших руках

Международная организация здравоохранения (ВОЗ) начала претворение в жизнь программы «Интерздоровье», направленной на оздоровление населения и борьбу с неинфекционными заболеваниями, являющимися следствием неправильного образа жизни — потребления большого количества жирной пищи, соли, алкоголя, курения, а также загрязнения воздуха. Согласно данным ВОЗ, от 70 до 80% смертей в промышленно развитых странах и от 40 до 50% в развивающихся наступает вследствие неинфекционных заболеваний.

Доисторическое чудовище

Американские палеонтологи обнаружили в штате Колорадо (США) окаменелые останки динозавра, не уступавшего по размерам гигантским плотоядным животным рода *Tyrannosaurus Rex*, но жившего на 30 млн лет раньше. Известный как *Epanterias*, этот гигант достигал 15 м в длину, весил около 4 тонн и съедал до 40 тонн

мяса в год. По словам Роберта Т. Бэккера, сотрудника Университета штата Колорадо, раскопавшего останки этого чудовища, «он мог проглотить целую корову».

Музеи и грамотность

Третий за 1990 г. номер (№ 165) ежеквартального журнала ЮНЕСКО «Museum»¹ посвящен Международному году грамотности, провозглашенному ООН. Собранные в нем статьи рассказывают о таких музеях, как Сунгамские архивы (Южная Корея), Музей Гутенберга в Майнце (ФРГ), а также о музеях во Франции, СССР (Казахстан), на Кубе и в Никарагуа, экспозиции которых знакомят посетителей с распространением грамотности. В журнале есть раздел, посвященный музеям Тихоокеанского региона, а также постоянная рубрика «Город и его музеи» (Пекин). Тема следующего номера — «Музеи портов».

1. Журнал «Museum» издается на русском языке в СССР с 1982 г. и распространяется по подписке и в розницу. Индекс 71133.

В предвидении катастроф

Очередным вкладом в программу объявленного ООН Международного десятилетия борьбы со стихийными бедствиями (1990—1999) стало основание Всемирной организацией здравоохранения в Адисс-Абебе Panaфриканского центра по борьбе со стихийными бедствиями и помощи в ликвидации их последствий. Он призван оказывать поддержку населению в случае засух, голода, наводнений, циклонов, землетрясений, войн и эпидемий, от которых все чаще страдают африканские страны.

ВЫСОКИЙ ДАР

ЕЛЕНА БЕЛЯКОВА

АННЕ Ахматовой выпала трудная доля. Ей суждено было испытать и громкую славу и величайшие унижения.

Ее молодость совпала с «серебряным веком» русской поэзии, периодом поразительного взлета русской культуры. Первая книга стихов Ахматовой «Вечер» была опубликована в 1912 г., за ней последовал сборник «Четки» в 1914 г. Он выдержал 9 изданий и сделал имя Ахматовой знаменитым. Темы большинства стихотворений молодой поэтессы — встречи и разлуки, любовь и одиночество — извечные мотивы лирической поэзии. Манера изложения строгая и классически ясная (впоследствии в литературоведении появился термин «лаконичная ахматовская строфа»).

Ее читает вся Россия, критики предсказывают «русской Сафо» блестящее будущее. Один за другим выходят сборники «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921), «Anno Domini» (1922).

Не приняв идеалов Октябрьской революции 1917 года, многие деятели культуры из окружения Ахматовой уезжают за границу. Ахматова же разделила судьбу своего народа.

В 20-е и 30-е годы ее стихи постепенно перестают печатать. По официальному мнению, новому читателю, воспитанному революцией, любовная лирика Ахматовой чужда. Триумфальная слава сменяется полным забвением. На 17 лет имя Ахматовой исчезает из литературы.

Драматически складывается ее личная судьба: в 1921 г. за «участие в контрреволюционном заговоре» (обвинение не доказано) расстрелян ее первый муж, поэт Николай Гумилев. В годы сталинского террора дважды был арестован и судим ее сын, востоковед Лев Гумилев. В тюрьме и ссылке он провел 14 лет. В заключении умер и ее муж, искусствовед Николай Пунин.

В самые тяжелые годы Ахматова не переставала писать. В многотысячных очередях, где она стояла с передачей для заключенного сына, возник замысел цикла «Реквием» — о трагедии матери, разлученной с единственным сыном. После поездки в Воронеж к ссыльному поэту Осипу Мандельштаму рождаются стихи, полные предчувствия скорой ги-

Портрет Анны Ахматовой (1914) работы Натана Альтмана (1889—1970).

бели друга. Она пишет о беззаконии и произволе, творящихся в стране, обличает Сталина и его окружение, обрекших на страдания миллионы безвинных людей. Многие свои произведения Ахматова, опасаясь ареста, не записывает. Впоследствии они будут восстановлены по памяти.

В начале 40-х годов систематическое замалчивание поэзии Ахматовой сменяется относительным признанием. В 1940 г. выходит сборник «Из шести книг» (составленный в основном из дореволюционных стихотворений). В газетах и журналах публикуются ее патриотические стихи, написанные во время войны.

Но уже в 1946 г. начинается кампания травли представителей творческой интеллигенции, и первой ее жертвой стала Ахматова. В постановлении Центрального Комитета партии «О журналах «Звезда» и «Ленинград» поэзия Ахматовой объявляется «буржуазно-упадочной», «безыдейной» и «антинародной».

Уничтожается весь тираж ее нового сборника. Ахматову исключают из Союза писателей. На целое десятилетие она опять оказывается разлученной с читателями.

После смерти Сталина, в годы «хрущевской оттепели», Ахматову восстанов-

ливают в Союзе писателей, начинают печатать. Интерес к ее поэзии огромен.

В 60-е годы растет мировая известность поэзии Ахматовой. Многочисленные издания ее произведений публикуются на английском, французском, немецком, итальянском, чешском, болгарском и других языках.

Появляется множество статей о ее творчестве, ей посвящаются книги и научные работы.

Высокое поэтическое мастерство Ахматовой было отмечено в 1964 г. международной литературной премией «Этна—Таормина». В 1965 г. Оксфордский университет присвоил ей почетную степень доктора литературы.

Анна Ахматова умерла 5 марта 1966 г. Проходят годы, а интерес к ее творчеству растет. Огромными тиражами переиздаются сборники поэтессы. Из архивных папок извлекаются неопубликованные стихи и проза. Лучшие образцы гражданской поэзии Ахматовой до недавнего времени были почти неизвестны на ее родине. Впервые в Советском Союзе полный текст «Реквиема» был опубликован только в 1987 г. в то время как на Западе — еще в 60-е годы.

В наши дни с Анны Ахматовой сняты

несправедливые обвинения. В 1988 г. официально отменено постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград». В юбилейном году один из номеров журнала «Звезда» целиком посвящен Ахматовой.

Сегодня в исторической ретроспективе выступает истинный масштаб поэзии Ахматовой. В XX веке она продолжила традиции классической литературы — Пушкина, Толстого, Достоевского. Ее творчество — неотъемлемая часть мировой культуры.

Центром юбилейных торжеств стал Ленинград, занимающий особое место в судьбе Ахматовой.

В день рождения поэта в доме № 34 на набережной Фонтанки открылся первый в стране мемориальный музей Ахматовой. Здесь она прожила более 30 лет. В этих стенах были написаны самые трагические стихи 30-х годов — «Реквием», начата работа над «Поэмой без героя».

25—28 июня Институт русской литературы Академии наук СССР и Ленинградская писательская организация провели научную конференцию. С докладами о творчестве Ахматовой выступили видные советские литературоведы. В конференции приняли участие зарубежные исследователи творчества Ахматовой.

Вечером 25 июня в Большом зале Ленинградской филармонии состоялся торжественный литературно-музыкальный вечер, организованный главным управлением культуры Ленинграда и Ленинградским отделением Фонда культуры СССР. Известные актеры читали стихи Ахматовой и посвященные ей стихи современников — Блока, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака. Были исполнены вокальные циклы Прокофьева и Слонимского, написанные на стихи Ахматовой. В концерте прозвучала любимая музыка поэта: Бах, Шостакович, Прокофьев.

XX век богат именами выдающихся поэтов. Среди них и имя Анны Ахматовой. Оно навеки связано с нашими представлениями о тончайшей лирике, о любви к человеку, к родной земле. ■

ЕЛЕНА БЕЛЯКОВА,
корреспондент ленинградского
отделения АПН.

Письма читателей

Пусть

не смолкает праздник

Я был крайне удивлен, когда прочел в мартовском номере вашего журнала за 1990 г. в рубрике «Размышления» статью Абуль-Хуссейна Зарринкуба «Борьба света и тьмы» о празднике Ноуруз. Этот видный иранский историк пишет: «Ислам воспринял этот праздник, что объясняется его ролью в стабилизации финансового года, а также веселым и жизнерадостным характером церемонии...» Однако общеизвестно, что ислам, как правило, уважал все традиционные религиозные праздники, если они не представляли опасности для общества, и следовательно, никогда не пытался уничтожить в Иране древний праздник Ноуруз. И дело тут вовсе не в причинах «финансового» порядка или «веселых церемониях», а в терпимости по отношению к сложившимся обычаям.

Некоторые аспекты этого праздника даже стали частью мусульманской традиции. Зарринкуб должен знать, что 21 марта, в день иранского Нового года, в самый момент наступления весеннего равноденствия, особо благоприятный с точки зрения космологии, иранские мусульмане читают молитву, взывая к Аллаху, превращающему ночь в день, с просьбой преобразить их души и обратить их к добру.

Не менее странным кажется и утверждение Зарринкуба о том, что интерес суфиев к этому празднику вызван пением и музыкой, как будто великие мыслители-аскеты стремились к этим эфемерным удовольствиям...

Реза Феиз,
бывший Постоянный
Представитель
Исламской Республики Иран
при ЮНЕСКО

Окно в мир

Вот уже 20 лет я читаю ваш журнал. Благодаря великолепным иллюстрациям он действительно стал для меня «окном, открытым в мир» (так раньше звучал ваш девиз).

Начиная с июньского номера за 1989 г. журнал изменил внешний вид, а его содержание стало менее абстрактным. Золотое правило современной журналистики — освещать самые разнообразные темы через показ конкретных людей в конкретных ситуациях. Сейчас вы приближаетесь к этому идеалу. Абстрактные рассуждения требуют бесстрастного изложения, присущего официальным документам, но это придает статьям сухость и формальность. А ведь только благодаря эмоциональности текст надолго западает в душу читателя. Идея получает признание только тогда, когда вызывает эмоциональный отклик.

Думаю, что интервью с Франсуа Миттераном было в этом плане поворотным моментом для вашего журнала. Я считаю, что вы и впредь должны помещать интервью и статьи, знакомящие читателя не только с представителями науки и культуры, но и с видными политическими деятелями.

И наконец, почему бы вам не оказывать содействие в налаживании культурного и научного обмена между народами путем публикаций в рубрике «Письма читателей» адресов тех людей, кто хочет завязать контакты со своими коллегами в других странах?

Владимир Овчинников,
журналист,
Новосибирск, СССР

Арабская математика

Я чрезвычайно благодарен за то, что вы посвятили одну из статей номера «Волшебный мир математики» (январь 1990 г.) истории арабской математики, поскольку эта область еще мало известна широкому читателю. Однако эта статья, написанная в форме интервью, требует ряда уточнений.

Если с идеей преемственности математической мысли в Средиземноморье со времен античности до XVIII в. (я бы сказал даже до наших дней), о которой говорит Рашед в конце интервью, можно полностью согласиться, то этого нельзя сказать об остальных его высказываниях. Остановлюсь на трех моментах.

1. Не вызывающая у Рашеда никаких сомнений оригинальность труда аль-Хорезми «Китаб аль-джебр валь-мукабалах» на самом деле далеко не бесспорна. В предисловии аль-Хорезми сообщает о том, что его труд представляет собой краткое изложение теории алгебраического вычисления, составленное по просьбе Халифа аль-Мамуна, дабы «пояснить тонкости и трудности этого процесса» и сделать его доступным для широкой публики. Но ведь для того, чтобы составить краткое изложение какой-либо теории, нужно, чтобы она уже существовала.

Кроме того, установить, насколько оригинален этот научный труд, сложно еще и потому, что единственный дошедший до нас более ранний текст, где используется техника алгебраических вычислений, — это «Арифметика» Диофанта Александрийского, относящаяся к III в., а значит, написанная за 600 лет до работы аль-Хорезми. Правда, последний использует алгебраическую терминологию, которой

нет у греческого математика. Однако, поскольку до нас не дошло ни одного текста, написанного после «Арифметики» и до труда аль-Хорезми, говорить о происхождении этой терминологии невозможно.

Наконец, проблема установления оригинальности этого труда осложняется еще и тем, что формула, используемая для решения квадратных уравнений (та самая, которую сегодня изучают в средней школе), восходит к вавилонской культуре.

Что же касается утверждения, что метод аль-Хорезми «одновременно алгебраический... и наглядный», то оно только затрудняет понимание природы данной книги. Дело тут вовсе не в методе. Аль-Хорезми доказывает — и это для него главное — пригодность алгебраических формул для решения квадратных уравнений с помощью геометрических доказательств. Эта идея не имеет никакого отношения к Евклидовым «Началам», хотя они и были переведены на арабский примерно в то же время, когда была написана работа аль-Хорезми (третье десятилетие IX в.). Таким образом, мысль ученого восходит не к греческой, а к какой-то иной математической традиции. Иными словами, вновь встает вопрос об оригинальности теории аль-Хорезми.

2. Что же касается взаимоотношений алгебры и геометрии, с одной стороны, и «арифметизации» алгебры — с другой, то неясно, к каким текстам и процедурам арабской алгебры отсылает нас Рашед. Если придерживаться текстов, то можно гораздо точнее и проще охарактеризовать развитие алгебры и ее связи с геометрией и арифметикой.

В основном арабская алгебра включает два раздела: решение уравнений пер-

вой, второй и третьей степени и операции с многочленами (сложение, умножение, деление, извлечение корня).

а) Что касается связи этих двух разделов алгебры с арифметикой, то аль-Хорезми ясно говорит, что основополагающие понятия алгебры — неизвестное и вторая степень неизвестного — это разновидности множеств. Следовательно, изначально алгебра была формой арифметики. А значит, она не могла подвергнуться «арифметизации» со стороны последователей аль-Хорезми. То, что Рашед называет «арифметизацией» алгебры, — это просто нормальное развитие преобразования многочленов.

б) Связи алгебры и геометрии несколько сложнее. Больше всего они затрагивают теорию уравнений второй и третьей степени.

Чтобы решить уравнение второй степени, арабы пользовались формулой, приведенной аль-Хорезми и восходящей, как мы уже говорили, к вавилонской культуре. Однако великие арабские математики, помимо этой формулы, всегда пользовались геометрическими доказательствами, заимствованными последователями аль-Хорезми из второй части Евклидовых «Начал». Не думаю, что великие математики брали на себя этот труд, чтобы дать некий «перевод» алгебраических формул, которыми они пользовались. Это было бы просто излишним. Доказательство ни в коем случае не может считаться переводом. Делалось это, по свидетельству самих ученых, для того чтобы еще раз подтвердить правильность используемых алгебраических формул.

3. Приписываемое Шарифэддину аль-Туси авторство в отношении «концепций и методов, таких, как производные функции, получившие это название в более позднее время», не находит подтверждения в работах ученого. Эта ошибка была опровергнута дважды: первый раз в сообщении, направленном мною в журнал «Annals of Science» (№ 44, 1987), и второй раз в статье Хогендижжа, опубликованной в журнале «Historia mathematica» (№ 16, 1989).

**Халил Джауиш,
ИЦНИ, Париж**

Дионисийские празднества в Андалусии

С интересом прочел в февральском номере вашего журнала за 1990 г. статью Жана Дювино «Неукротимость духа» о «любопытном андалусском празднике Росио, в котором переплетается арабская, христианская и цыганская культурная символика». Мне кажется, можно дополнить этот перечень символикой, восходящей к греко-романской традиции, точнее, к ритуалам дионисийских празднеств.

По преданию, статуя Богородицы Росио была найдена в начале XV в. андалусским охотником. В культурной панораме той эпохи преобладали исламские элементы, поэтому автор и говорит об арабской и христианской символике. Однако не следует забывать и о влиянии дионисийского культа, который, как известно, достиг берегов Иберийского полуострова. Римские авторы сообщают о греческих колониях, появившихся в болотистом устье Гвадалквивира за девять веков до начала христианской эры (именно там в настоящее время находится храм Эль Росио). Вслед за греками здесь стали селиться и другие народы. Судя по некоторым археологическим находкам, обнаруженным вблизи храма, можно заключить, что на этом самом месте возвышалось некогда римское святилище.

Бывает, что традиции, которые считались исчезнувшими, возрождаются, приняв иную форму, но сохранив при этом свои особенности и ритуалы. Возможно, в этом-то и есть своеобразие Андалусии, народ которой всегда жил на перекрестке различных культур.

**Франсиско Х. Карильо,
ЮНЕСКО, Париж**

Требуется помощь

Я студент, меня очень волнует настоящее и будущее моей родины и Земли в целом, а так как живу я в Крыму, то заботы мои обращены в первую очередь к этому полуострову.

К сожалению, многое сейчас делается в ущерб природе, во вред человеку. Я мириться с этим не хочу.

Приведу всего два примера: строительство, несмотря на протесты местных жителей, Крымской атомной электростанции и разрушение уникального христианского памятника истории и архитектуры — Геор-

гиевского монастыря, основанного в 891 г. на мысе Фиолент. Монастырю сейчас срочно требуется квалифицированная помощь.

Хотелось бы в этой связи установить контакт с организацией Green Peace.

**Юрий Бельский,
Севастополь, СССР**

В розницу или по подписке?

Мне 28 лет, я рабочий. Уже более трех лет я регулярно покупаю журнал «Курьер ЮНЕСКО» и за это время узнал очень много полезного для себя. Спасибо и вам, то есть русской редакции и Главной редакции в Париже! Мне кажется, что если бы этот журнал читал хотя бы каждый десятый советский человек, то культурный уровень нашего народа был бы более высоким, было бы больше в нас милосердия и терпимости. Сейчас этого о наших людях (не только русских), к большому сожалению, не скажешь.

Единственно, что меня огорчает, это то, что на ваш журнал нельзя подписаться. Как мне сказали на почте, его продают только в розницу.

Издаются ли на русском языке какие-либо еще журналы ЮНЕСКО?

Всего хорошего в вашей полезной работе!

**Михаил Червяков,
Муром, СССР**

От редакции русского издания: Сведения, полученные нашим читателем в почтовом отделении, устарели: с 1990 г. распространение журнала «Курьер ЮНЕСКО» осуществляется в СССР не только в розницу, но и по подписке (см. материал, опубликованный в № 4 за 1990 г. русского издания). Помимо «Курьера ЮНЕСКО», в СССР публикуются на русском языке и другие периодические издания ЮНЕСКО, более специальные по характеру: «Перспективы: вопросы образования», «Импакт. Наука и общество», «Museum» (вопросы музееведения), «Природа и ресурсы» (проблемы экологии, охраны окружающей среды) и «Бюллетень по авторскому праву». Все эти ежеквартальные журналы распространяются по подписке.

Фотографии предоставили:

1-я с. обл.: Faillet © Artephtot, Paris. 4-я с. обл.; © Pestana, Paris. C. 2: © Josette Verbestel, Belgium. C. 4—5, 14 (вверху), 37 (слева), 39: © Roger Viollet, Paris. C. 6, 7: © Keystone, Paris. C. 8: Morvan © Sipa Press, Paris. C. 9: Wallis © Sipa Press, Paris. C. 10: Roland Michaud © Rapho, Paris. C. 12—13: Erich Lessing © Magnum, Paris. C. 14 (в центре): J. Ross © Rapho, Paris. C. 14 (внизу): © Bulloz, musée Carnavalet, Paris. C. 15 (вверху): © De Selva-Tapabor, Paris. C. 15 (внизу), 19, 31: © Lauros Giraudon, Paris. C. 16, 25 (внизу): © Jean-Loup Charmet, Paris. C. 17 (вверху): All Rights Reserved. C. 17 (внизу), 22—23, 29: © Dagli Orti, Paris. C. 18, 20, 36—37: Edimédia, Paris. C. 21: © Cahiers du cinéma, Paris. C. 23 (врезка), 24 (в центре и внизу): © J. L. Nou, Paris. C. 24 (вверху): © National Museum, New Delhi. C. 25 (вверху): H. Cartier-Bresson © Magnum, Paris. C. 26, 28: M. Yamashita © Rapho, Paris. C. 27, 30, 37 (справа): © E. R. L. / Sipa Icono, Paris. C. 32—33 (вверху), 33 (справа), 34, 35: © IPS, Paris. C. 32—33 (внизу): © Bridgeman-Giraudon, Paris. C. 38—39: © Réunion des musées nationaux, musée du Louvre, Paris. C. 40: © Kharbaine Tapabor, Paris. C. 41: © Gemeentemuseum, The Hague. C. 42 (сверху вниз): © Musée de l'Homme; © Vautier Decool; © Jean Suquet, Paris; © Museum of Asian Art / Stedelijk Museum, Amsterdam. C. 43, 44—45: Renaudeau © Hoa Qui, Paris. C. 45: P. Cassard © Hoa Qui, Paris. C. 46: M. Huet © Hoa Qui, Paris. C. 48: © Izdatelwstwo APN, Moskva.

Публикуется ежемесячно на 35 языках
и шрифтом Брайля

ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций
по вопросам образования, науки и культуры.

31, rue François Bonvin, 75015 Paris, France.

Директор: Бахат эль-Нади
Главный редактор: Адель Рифаат

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ (Париж)

Ответственный секретарь: Джиллиан Уиткомб
русский яз.: Георгий Зеленин
английский яз.: Рой Мэлкин, Каролин Лоуренс
французский яз.: Ален Левэк, Неда аль-Хазен
испанский яз.: Мигель Лабарка,

Арасельи Ортис де Урбина

арабский яз.: Абдель Рашид аль-Садек Мухаммади

Научная информация: Фернандо Аинса

Оформление: Жорж Серва

Иллюстрации: Ариен Бейли

Документация: Виолетт Рингельштайн

(т.: 45.68.46.85)

Связь с национальными редакциями:

Соланж Белен

Секретариат: Анни Браше, Муна Чатта,

Клоди Дюамель

Реализация: Генри Кнобил (т.: 45.68.45.88)

Подборка статей шрифтом Брайля на английском,

французском, испанском и корейском языках:

Мари-Доминик Бурже

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕДАКЦИИ:

украинский яз.: Виктор Стельмах (Киев)

немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)

итальянский яз.: Марио Гвидотти (Рим)

язык хинди: Ганга Прашад Вимал (Дели)

язык тамил: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)

персидский яз.: Садул Ванини (Тегеран)

голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)

португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)

турецкий яз.: Мехра Ильгазер (Стамбул)

язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)

итальянский яз.: Жоан Каррерас-и-Марті (Барселона)

малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)

корейский яз.: Пак Сен Гиль (Сеул)

язык суахили: Домино Рутазбесибва (Дар-эс-Салам)

хорватско-сербский, македонский,

сербскохорватский, словенский языки:

Божидар Перкович (Белград)

китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)

болгарский яз.: Горан Готев (София)

греческий яз.: Николас Папагеоргиу (Афины)

итальянский яз.: С. Дж. Суманасекера Банда (Коломбо)

финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)

шведский яз.: Манни Кёсслер (Стокгольм)

баскский яз.: Гуруц Лараньяга (Сан-Себастьян)

тайский яз.: Савитри Сувансатхит (Бангкок)

вьетнамский яз.: Зао Тунг (Ханой)

язык пушту: Эмарай Мохакки (Кабул)

язык хауса: Халиб аль-Хассан (Сокото)

язык бенгали: Абдулла А. М. Шарафуддин (Дакка)

При перепечатке материалов обязательна ссылка
на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора.
Подписанные статьи выражают мнение их авторов,
которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО
и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки
готовятся сотрудниками редакции.

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО»
на русском языке с 1957 года осуществляется
ордена Трудового Красного Знамени издательством
«Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР
по делам ЮНЕСКО.

ISSN 0304—3150

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛОВ ЮНЕСКО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Главный редактор: А. Мельников
Заместители главного редактора:
И. Брычев, Д. Фикс

«КУРЬЕР ЮНЕСКО»

Редактор русского издания: И. Уткина

Редакторы: М. Борисова, О. Гребенюк

Художественное и техническое редактирование:
В. Паленцева

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3,
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17, т.: 247-18-40.

Орден Трудового Красного Знамени
Калининский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати.
Калинин, проспект Ленина, 5.
Зак. 1266

Иллюстрированный журнал

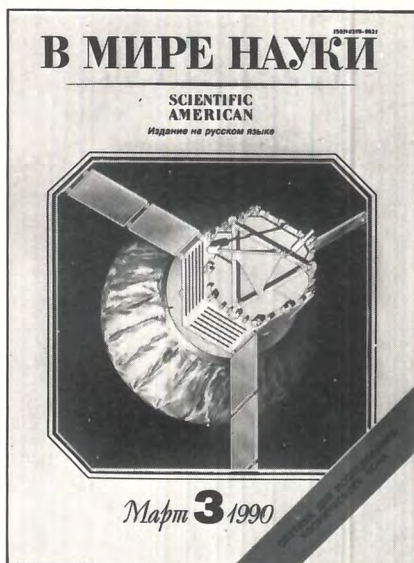
В МИРЕ НАУКИ

издается в СССР с 1983 года.

Представляет собой издание на русском языке
журнала

SCIENTIFIC AMERICAN

выходящего в США с 1845 года.

Журнал освещает новейшие достижения в области фундаментальных научных исследований и их практических приложений. Авторы статей, ведущие ученые разных стран, в том числе СССР, знакомят читателей с последними результатами работ по астрофизике и ядерной физике, молекулярной биологии и зоологии, вычислительной технике и промышленной технологии, геологии и геофизике, археологии, медицине, истории и психологии. Каждый номер журнала содержит восемь разнообразных по тематике статей, написанных профессионально и увлекательно. Строго научный подход к проблеме сочетается с доступностью изложения и позволяет неспециалисту познакомиться с новейшими гипотезами, моделями и открытиями. Большую помощь в этом оказывают многочисленные красочные иллюстрации.

Журнал «В мире науки» выходит ежемесячно.

Подписка принимается без ограничений в августе—октябре
(по безналичному расчету для организаций — в течение
августа) всеми агентствами «Союзпечати», почтовыми
отделениями связи, а также общественными
распространителями.

Цена номера — 2 руб. Стоимость годовой подписки — 24 руб.

Подписаться можно на квартал, полгода и год
по «Каталогу газет и журналов зарубежных стран»,
раздел «Передовые научные и научно-технические журналы».

Индекс журнала 91310.

